

ОМОНА

№ 24
ДЕКАБРЬ
1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

естиваль
олодежной

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОЧИ

МЕЖ
ФЕ
МОЛ

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок четвертый
Выходит два раза в месяц

ДЕКАБРЬ

24
1971
1967

СНАЧАЛА ПЛАНЫ, ЗАТЕМ ПОСЛАНИЕ

Ф. ЗИГЕЛЬ,
научный обозреватель «Смены»

СОВЕТСКИЕ КОСМИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ БУДРАЖАТ ВООБРАЖЕНИЕ

ПРЕДОКТАБРЬСКИЕ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В КОСМОСЕ ОТКРЫВАЮТ ШИРОКИЕ ГОРИЗОНТЫ

ОСВОЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

МИР — В ОЖИДАНИИ НОВЫХ СООБЩЕНИЙ

Два космических события украсили главный полувековой юбилей Советского государства — мягкая посадка на ближайшую к Земле планету космического аппарата «Венера-4» и блестяще выполненная на околоземных орбитах стыковка двух наших спутников-автоматов. И то и другое — ошеломительное мероприятие по освоению космоса. Но в этих верхних по существу, но чересчур прозаических словах «очередное мероприятие» можно не заметить зачатков нового, того нового, которое открывает необозримые будущие.

Автоматы и раньше летали в космос. И до октября 1967 года каждому было ясно, что без автоматического космос освоить не удастся. Но, может быть, только в предпоследние дни советские космические автоматы с предельной очевидностью продемонстрировали свою способность во многом (но не во всем!) заменить космонавтов.

Попробуем заняться прогнозами. Попытаемся представить себе на двух примерах, как дальше пойдет развитие космических автоматов и чем они помогут в освоении космоса, какая роль будет отведена им. «Венера-4» не обнаружила на планете Венеры присутствия жизни. Впрочем, задача этого аппарата была иная — выяснить физическую обстановку на поверхности ближайшей к нам планеты. Оказалось, что если на Венере и живут какие-либо организмы, то скорее всего они построены не на углеродной, а на иной (например, кремниевой) химической основе. Там мым сулимся и без того неширокий класс тел солнечной системы, на которых можно было рассчитывать встретить земноподобные формы жизни. Говоря конкретнее, все надежды теперь связаны главным образом с Марсом.

Как ни заманчива перспектива послать пилотируемый космический корабль на Марс, трудности этого дела столь велики, что первыми на Марс любуются все-таки автоматы. Нам это уже знакомо на примере освоения Луны. В зарубежной прессе описано немало проектов экспедиции на Марс различных автоматов. Из них, может быть, особенно интересны те, которые поручается решить «наконец этот неосвоенно-традиционный вопрос: «Есть ли жизнь на Марсе?». В общих чертах будущие космические операции в этой области проектируются примерно следующим образом.

С Земли к Марсу отправляется непилотируемый космический корабль, управляемый по радио с Земли. Вблизи Марса включением бортовых двигателей корабль выводит на околомарсианскую орбиту, и он превращается в искусственный спутник Марса. Чем меньше при этом его орбита будет отличаться от круговой, тем лучше. В заранее определенный момент от корабля отделяется капсула, начиненная необходимыми автоматическими приборами, и совершает мягкую посадку на марсианскую поверхность. Автоматы проводят намеченные исследования и полученную информацию передают на корабль-спутник, откуда она ретранслируется на Землю.

Такова принципиальная схема одного из наиболее реальных современных проектов.

Интересны и детали такого проекта. Капсула, опустившаяся на Марс, может быть снабжена самыми различными устройствами. Прежде всего это телевизионная аппаратура, передающая на Землю изображение окружающего ландшафта. Если вдруг в поле зрения видокама появится движущееся марсианское существо, то его изображение увидят и на экранах самых те-

левизиров. Не исключено (эта возможность учитывается в современных проектах), что капсула опустится вблизи какого-нибудь искусственного сооружения. Хотя следует отметить, что фотографии Марса, полученные с американской станции, охладили надежды встретить на Марсе такие сооружения.

И все же расстаться с мечтой о встрече с легендарной марсианской цивилизацией трудно. Поэтому в проекте предусматривается и способ устройство (радиоволновой определитель), способный анализировать поступающие радиосигналы. Не примет ли он передачу какой-нибудь автоматной (кто знает!) марсианской радиостанции? Такая предусмотрительность может показаться чрезмерной. И тем не менее при посадке на Марс надо быть готовым к любой неожиданности: вплоть до встречи с его гипотетическими хозяевами — марсианами!

Скорее всего, однако, все будет выглядеть иначе: высидевшись на Марс, автомат встретит там не марсиан, а иные формы жизни. Какие именно, сказать, конечно, трудно, но даже самые энергичные противники оптимистических гипотез о жизни на Марсе все же убеждены, что эта планета может быть населена микроорганизмами.

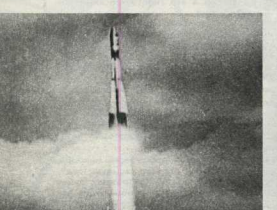
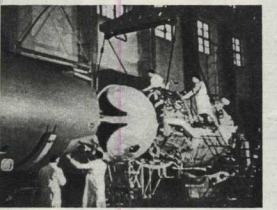
Чтобы проверить эту предположение, марсианская капсула должна быть оборудована механической рукой, которая возьмет горсть марсианской почвы и посетит ее на некоторой питательной среде.

Допустим, что во взятой горсти есть микробы и эти микробы не прочь отдавать земную пищу, то есть ту питательную среду, которая им будет предложена. В таком случае микробы будут питаться и размножаться, и в процессе обмена веществ в качестве его конечных продуктов будут выделяться газы. Нетрудно представить себе некий замкнутый сосуд, снабженный измерителем газового давления. Если давление увеличилось, то сведения об этом телеметрическим путем будут переданы на Землю. И будет сделан вывод: жизнь на Марсе есть! Но если давление останется прежним, из этого еще не следует вывод, что микроорганизмы на Марсе нет. Нельзя считать абсолютно исключенной и ту возможность, что на Марсе, как и на Венере, могут встретиться небольшие формы жизни.

Описанный способ обнаружения марсианских микробов не единственный. В процессе жизнедеятельности микроорганизмов может появиться раствор питательной культуры, что фиксируется фотозонитом. Обмен веществ, то есть процессы жизни, можно обнаружить и способом ионных атомов. Предуманы и иные методы, но все они окажутся действительными лишь при соответствующих оговорках.

Конструкция некоторых автоматов, предназначенных для марсианской капсулы, весьма любопытна: например, так называемая капсула Вольфа, как пылесос, засасывает образцы марсианской пыли и смешивает ее с питательной средой.

Другой автоматический прибор, названный «Гуллеровым», снабжен пушилкой. Эти пушилки «пушке» выстреливают вверх, к которым прикреплены липкие шпательцы. Взяв пробу, шпательцы втягивают ее в питательную среду. Если микроорганизмы проявят аппетит, они будут усануть некоторые специально питательные вещества и выделять $C^{14}O_2$. Радионитивный распад этой разновидности углекислого газа регистрируется счетчиком бета-частиц. Первые экземпляры «Гуллеров» уже испытывались в пустынях, на вер-

ших земных гор и дали отличные результаты — приборы оказались весьма чувствительными.

Разработаны и созданы мультизаторы — мини-торные биологические лаборатории. Они снабжены фотодетекторами, которые следят за реакциями, связанными с жизнью. В частности, если марсианские ферменты напомним нашу фосфатазу, то при взаимодействии этих ферментов с некоторыми химическими веществами в мультизаторе эти последние должны люминесцировать, что и фиксируется фотопленочками.

Кстати сказать, фосфатаза, или, как ее иначе называют, аденозинтрифосфорная кислота, представлена во всех живых организмах Земли. При своем раскладе она дает энергию, необходимую для всех видов обмена веществ. Похоже, что это ведущий спутник по крайней мере всех белковых форм жизни. Как было бы здорово, если бы автоматы разсыпали его на Марсе!

Как видите, автоматы могут не только решать физическую обстановку на планете, куда намечено со временем послать экспедицию, но и решать вопрос об обитаемости планеты.

Обратимся к второй проблеме — роли стыковочных космических аппаратов в будущем исследовании космоса.

На ВДНХ уже много лет демонстрируется любопытная модель будущего огромного спутника-колонии. Внешне этот космический аппарат выглядит вительно напоминая колесо — видны ступицы, спицы, обод. Сходство усиливается, если учесть, что спутник-колесо будет медленно вращаться вокруг своей оси, только таким способом удастся внутри спутника создать крайне необходимую искусственную тяжесть.

Размеры спутника внушительны — его диаметр, вероятно, будет близок к ста метрам. Внутри расположится жилье, помещения, лаборатории, топливные отсеки, оранжереи и многие другие разделы небесного объекта. Не исключено, что центральная ступица станет причалом для космических ракет, с помощью которых будет поддерживаться регулярная связь спутника с Землей.

Выведенный на достаточно высокую орбиту (скажем, с высотой порядка тысяч километров), спутник почти не будет встречать сопротивления при своем движении по орбите, и поэтому долговечность его существования будет практически неограничена.

Метеорная опасность! С нею, конечно, следует считаться. Малые частицы космической пыли постепенно, хотя и очень медленно, вызовут метеорную эрозию внешней поверхности спутника. С ней можно бороться, используя для поверхностных покрытий сверхпрочные материалы. От ударов более крупных частиц способом сохранить многослойная оболочка спутника. Наконец, не исключено столкновение с крупными метеоритами, способным вызвать пробой и разгерметизацию спутника. На этот случай предусматривается старей, испытанный на флоте способ: разделение на герметически изолированные отсеки. Тогда пробой одного отсека еще не будет означать гибель всего спутника.

Иногда было бы неплохо рассказать и о других серьезных, но все же преодолимых трудностях, например, о проблеме термостабилизации, осуществления замкнутого экологического цикла внутри спутника, снабжения спутника энергией. В этой статье замечать следует, однако, обратив внимание на другое: создание огромных спутник-институтов типа описанного (в это одна из ближайших перспектив космонавтики) немиссимо, невозможно без многогранной стыковки космических аппаратов.

В самом деле, как вывести спутник-колесу на околоземную круговую орбиту? Это сооружение слишком громоздко, слишком массивно, чтобы его можно было, как обыкновенный ракетный спутник, вывести на орбиту целиком. Единственная возможность — собрать спутник по частям прямо там, в космосе, на околоземной орбите. Может быть, этими частями будущего спутника-колеса станут сами ракеты, запущенные на намеченную орбиту. Или, скажем, ракетами отведет роль носителей создаваемых на Земле блоков. Но в любом случае сбора спутника-колеса мыслится как серия автоматизированных стыковок, в итоге которых постепенно будет собран все колесо. Вряд ли сборка окажется без строительств-космонавтов. Но там, где möglich человек заменяет автоматическую работу, сделана. Автоматическая замена космонавтов аппаратов, впервые осуществленная советской наукой и техникой, станет абсолютно необходимым средством в дальнейшем освоении космоса.

Первые шаги человека в космос. Как они совершались? Вы читали множество репортажей, видели фотографии и фильмы, рассказывающие об этом беспрерывном походе не только ученых, конструкторов, космонавтов, но и всего советского народа. Теперь перед вами фотографии ранее малоизвестных эпизодов — это кадры из нового научно-популярного фильма «10 лет космической эры».

Что будет первым космонавтом? Генерал Каманин сообщает, что государственная комиссия выбрала Гагарина. Вот он только что сел на свое место, заявил о готовности выполнить задание, и ему аппроксимирует товарищи. Далее вы видите подготовку ракеты с космическим кораблем «Восток». В группе молодых летчиков, осматривающих ракету, вы без труда узнаете будущих героев космоса — Ю. Гагарина, П. Поповича, Г. Титова, В. Быковского, А. Николаева. На этом корабле Юрий Гагарин совершил первый в истории человечества пролёт в космос. Вы видите, как собирают ракету, как везут ее на стартовую площадку и устанавливают там. И, наконец, самые волнующие моменты — старт ракеты, которым руководит выдающийся советский ученый-выдающийся Сергей Павлович Королёв. И следующий кадр: обожженный корабль «Восток» после возвращения его на землю. На одной из фотографий — Валентина Терешкова после полета.

Первые шаги человека в космос. Это труд и подвиг. Они приближают нас к тому дню, когда гражданин Земли ступит на поверхность ближайшего и нам небесного тела — Луны.

Натан ЗЛОТНИКОВ

В Москве меняется погода.
В беззвучном небе тесноста.
И возвратились из поезде,
Из Беломорья холода.

Неудержимой каруселью
Летит Садовое кольцо.
А в нашем доме новоселье,
И кто-то новый из жильцов.

Застряли тучи на закате,
Как будто гости на пиру.
На самолёточной самолёте
Мальчишка катит по двору.

И двери хлопают в парадном
Весь этот месяц напролет.
И кружат в воздухе
Озвись белый самолёт.

А ты приходишь запаздывая,
И плащ роняешь на диван,
И говоришь: «Со всем устала,
Как будто шла из дальних

стран».

А тучи постепенно тают,
День долг, как разлива реки.
И телефонные звонки
До нас уме не долетают.

Спокойный ветер посежел,
Отправился тебе навстречу,
И я несколько не перечу,
Я даже этого хотел.

А ветер движется в толпе,
С тобой боится разминуться.
Деревья твоятся к тебе
И все не могут дотянуться.

Ты ускользнешь. Ты — к кому?
Вот дажде ветер обманулся,
К тебе, как к древнему письму.

Не разумея, прикоснулся.
Ты ускользнешь. Зеркала
Твои запоминают лица.
И, словно пригоршня, мала
Тебе Москва — не уместиться.

А наша комната светла,
Как этот день. Окно открыто.
И чашка чаю — недопитая —
Стоит на краешке стола.

Рисунки М. ЛЮКУМОВИЧ

Хочу о Польше говорить.
Ее земля уже далека.
Но затрудненность вольной
речи
Все продолжает нас корить.

Граница. Летний дом. Скамья.
Шлагбаум возле переезда.
Наш поезд катится от Бреста
Через поля, через поля.

С достоинством и не шеша
Себя нам оглядеть
равнина
Дает. Я знаю, как ранма
Ее сплюбная душа.

Уж главный пригород Варшавы
Без напряженья различим,
И кажется, что нет причин
Грустить над Вислою
шершавой.

Царапает облако свисток
Дым за грубой помнится
книном.
А наши мысли вместе с дымом
Отнесит ветром на Восток.

К Москве, где в этот час темно,
К Москве, где нас не
разлобили,
И баконный свет автомобилей
Уже зажгли давным-давно.

Как имат без удерку они!
И обдает нас белым светом
Один поток, другой при этом
Уносит красивые огни.

И бет тот не прервать инкак!
Потом алмаши не замывает.
Всю ночь в два цвета он
играет,
Как бело-красный польский
флаг.

Баклан спустил крыло
И рухнул на оквай.
Сердце мое зашло —
Туда падал этот баклан!

Пока он летел стремглав,
Начался снегопад.
А ты грелась и грелась,
Отпидываясь назад.

Пока он летел, как во сне,
Вскри ползуарьям.
Ударил гром в тишине,
Как будто далекий взрыв.

Пока он летел, затаня
Под килово радостный крик,
Спокойный и длинный залив
Сморщился, словно старик.

Пока он летел, обогла
Молния скулыв саал.
И шлопка рывками шла,
И корпус ее дрожал.

А лед нарастал корой
Над баром, все выло кругом.

Баклан упал за кормой,
Меня разрубив крылом.

Он посмотрел в упор!
Так в старину сплеча
Свечу срубали на спор,
Чтоб не шевельвались свеча.

А ты все меня берегла.
И лед под юбкал хрустел!
А ты грелась и грелась
И думала, что я цел.

Я помню лето на Урале,
В ту пору часто умарил.
«Вы жертвою...» — играл
орнестр.

В орнестре старник играл,
Все жители не этик мест.

Дорога к кладбищу все круче.
Трубы печальной полнозвучье
Знавет, сососа не постворел!
Как обломившиеся сучья,
Воронки падали с дерев.

Отжелевшие знамена
Перед крыльями клонились
склоном,
Земли касаясь куначком,
И подымались неуклоном.
И шел оркестр за грубочом.

Все выше! И думы витали,
И птицы вечные летали
Над всем обрядом похорон.
Снеблили мля на металл
Друзья под взглядами ворон.

В тревожном и притихшем
мире
Вбивали крест крестьянской
тирей.
Работал Воткинский завод.
И эхо глало, словно в тире.
Воиние шел предпоследний год.

Приняма тихие просторы,
Заводы, избы да заборы...
Но возвращаются орнестр
И знаменосцы: яртки сборм
Эх, в неовиданный отъезд!

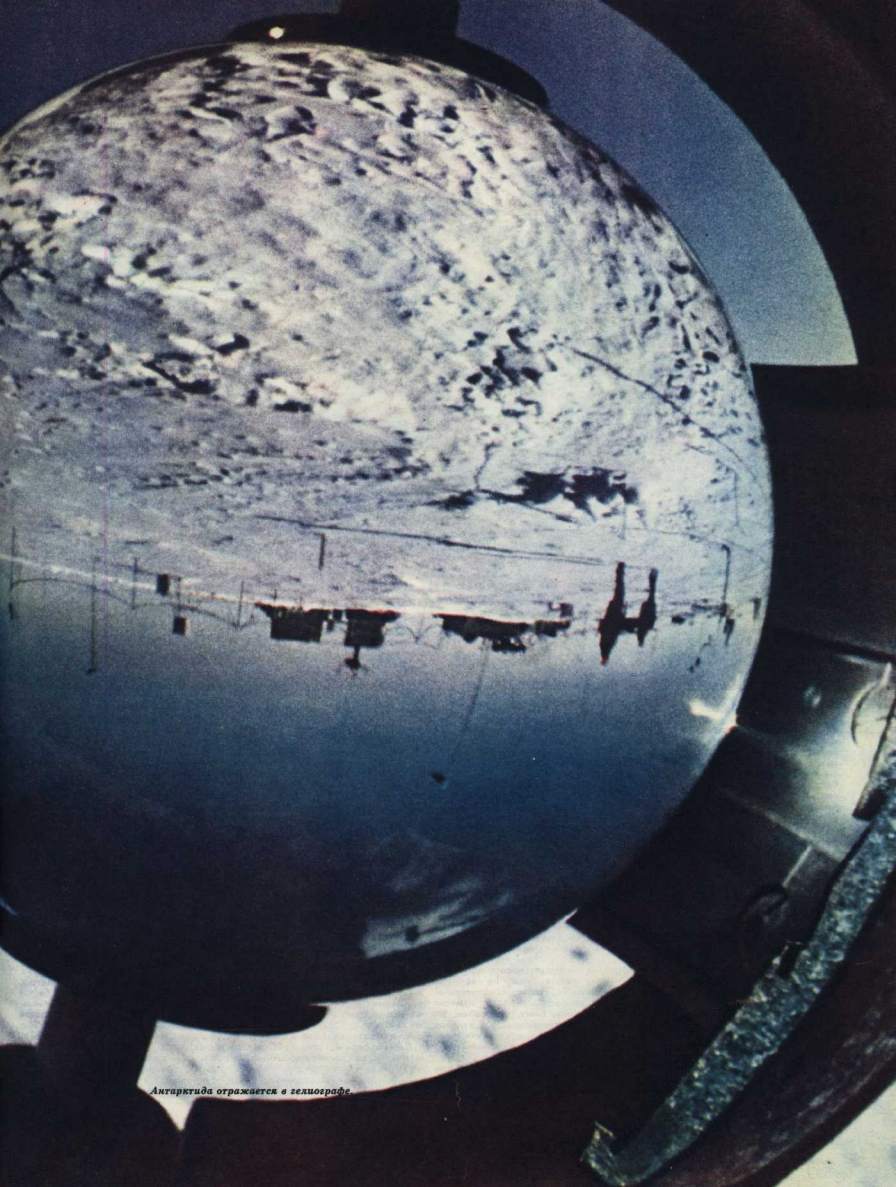
Г. КОПОСОВ Фото автора

16 ПАРНЕЙ НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА

Вечером, в десятом часу, Алли открыл дверь и крикнул: — Скорее одевайся и выходи на улицу: там то, что тебе надо, Мирани!

Ярко-желтой фарой автомобиля появилось солнце над ледяным горизонтом, отполированным и сдвоенным ветрами и морозами. Это с одной стороны. А с другой — миром. Высокая горная цепь — фиолетовая, синяя, местами розоватая — колыхается, меняются очертания пиков, впадин. Вот от станции идет след вездехода, который вдаль круто забирается в гору. След обозначен пустыми бочками от горючего, и они тоже забрались в гору. На «Востоке» мирани, как кинопанорамное зрелище. Нет мирани — нет ничего. Крутом на тысячах километров только снег и лед. И так до самого побережья. А если сейчас немного отъехать от станции, то она уже сама превратится в мирани.

Станция «Восток» — уютный, теплый дом для шестнадцати молодых советских парней, зimuющих уже почти год

Антарктида отражается в сейсмографе.

Мы улетаем. А они остаются. «Прощайте! Встретимся через год!»

на полюсе холода планеты, где на высоте 3 500 метров была зарегистрирована самая низкая температура — минус 86,3°.

— Рассказывают, что старые альбатросы умирают на лету от разрыва сердца, а я наверняка кончусь в самолете. Инфаркт захватит с этими полетами на «Восток!»— кричит мне штурман Евгений Игнатов, очень веселый, добрый великан.

Результаты «Лая» и заглушают разговор. Я слышу только обрывки: «—девятнадцатый рейс на «Восток». Поминишь? Обледенение, облачность. Возвратились, снова полетели. «Объ» усложня, надо было снимать людей. Еле добрались на высоте пяти тысяч метров, а потом потеряли дорогу: пеленг завязать трудно. Рейс—будь здоров...» Прислушиваясь, а сам думаю о налаживании контакта с командиром самолета Виктором Мазуровым. Без летчиков в Антарктиде не проживешь. Пока Мазуров молчалив, серьезен и неприступен, как летящая крепость. Летим, молчим. Вдруг Мазуров оборачивается и спрашивает:

— Москва, кто ли?
— Из-под Москвы я. По Севеловской, Лобно слышал?
— Чего? Лобно! Сосед!
Надо же— две тысячи километров

от Мирного, плюс четырнадцать тысяч километров до Москвы да тридцать три километра до Лобно. Не только земляки—соседи встретились!

— Смотри: впереди «Восток». Специальный круг для соседа—снимаю.

А пока я в гостях на «Восток». Каждый сезон человек—здесь событие, источник информации, новостей, объект для шуток и зависти. Зависти, что я скорее всех буду дома. Над главным зеленым домиком станции прибег красный плакат: «Добро пожаловать!»—и на нем нарисованы шестнадцать плывущих человечков.

Вот трое из шестнадцати: врач-хирург Владимир Медведев, физиолог Юрий Сенкевич и терапевт Саша Завадовский. У них меня и поселили в комнате, похожей на вагон. Для них это и кубрик и лаборатория. У Сашки горе: погнил рыбкин. На «Восток» оплать их не будет: высота погубила.

— Ну, рыбок уже не вернуть. А как у тебя, старик, самочувствие? Высота не беспокоит? Дай измерю твоё давление. Вижу, что сейчас ты послушный, сговорчивый, как валеная воля. После обеда советую лечь спать—и до утра. Акклиматизируешься—и за работу.

Утром все шестнадцать за столом в кают-компании. Справа от меня на стене киноэкран. Слева слышны

ряды книг. Прямо висят большие увеличенные фотографии—береки, луга. А сзади большая голубая объемная карта Антарктиды и картонная кошка, оставшаяся от встречи Нового года. Из камбуза, как белый маг, появляется повар Олег Шведов с огромной кастрюлей манной каши. Олег впервые в Антарктиде. Сам привыкает—к нему присматриваются. Пока все величьи и послушно едят манную кашу, как у строгой воспитательницы в детском саду. До Олега здесь был классный повар Юра Веденев. При нем старая смена ходила с улыбающимися лицами. Новым такого повара не видать.

После завтрака Юра Бабарин тащит меня к себе. Пропадем между приборами, ящиками в его космической павильон, где в каждом углу что-то щипалось, светился неоним, вспыхивал блик.

Он мне долго объясняет, где, что и как регистрируется. Я делаю уново выражения и понимающий вид. Успокой только одно: что космические лучи связаны с полными сияниями, природа которых мало изучена.

Дальше беру интервью у Юры Сенкевича. Он это делает профессионально и начинает как лектор:
— Антарктида—материк с необычайно суровым климатом. Трудно на

земле найти еще такое место, где бы на человека сразу воздействовало столько отрицательных факторов. Здесь очень сухой, практически абсолютно стерильный воздух. Только сам человек заносит сюда бактерии. Здесь очень важно изучить акклиматизацию человека. Предполагается, что с условиями, близкими к условиям Антарктиды, человек может встретиться при освоении Луны.

Теперь Слава Громов, маршиолог; мы идем по взрублинному ледяному тоннелю к его приборам. Там, где лед потоньше, он просвечивается фантастически голубым светом.

— Ты со мной сейчас на геосинхронном полюсе. Вернее, не знаю, а вез.

Мы на глубине трех метров подо льдом.

Около домика на станции небольшой снежный загон, отгороженный ледрами,—метеоплощадка. В загоне на снегу опять лежат термометры, другие поместки в ребристых больших будках, снегомеры, манты с датчиками давления, влажности, скорости ветра. Но из всех приборов мне больше нравится гелиограф—простой прибор со стеклянным шариком. Как через стеклянный глобус, сквозь шарик проходит солнце и оставляет на расчерченной бумаге свой дневной путь. Само светит, само чертит—себя

Грабурных показы-
вает мину 31.

Перекур во время самой трудной
работы на «Востоке» — заготовки
снежных блоков для воды.

Отсюда регулярно передается под-
робная информация о погоде на
полюсе холода.

Ледяной тоннель ведет к геоманти-
ному полюсу.

Все шестнадцать за
столом килот-компа-
нии.

регистрирует. В шарике все вверх ногами: домики, вездеход, вот от домика отделилась фигурка и идет на головах ко мне. Черная фигурка подошла и деловито отгнетисла меня от прибора. Срок. Метеоролог Ганнадий Артемьев через каждые четыре часа сообщает по радио данные о погоде на полюсе. Мне пребывание на «Востоке» прививается так же неожиданно, как и появление здесь. Утром не сплю, все время бегая к радисту: будет ли самолет? Ведь это последний самолет в нынешнем году. Метеоролог тоже часо часо дует погоду. В нашей комнате Саша из-под койки Юри Сенкевича достает провода с какими-то датчиками. На ночь он подсовывает прибор, который залепил сою Юри. И та же длинная бумажная лента вся испещрена кривыми. Саша разбирается и делает вывод: не спал совсем малый.

Последний самолет. Все дописывает письма. У радиста устала рука ставить штемпеля на марках, которые присылают филателисты со всего мира, чтобы погасить их штемпелями «Востока». На прощание неважно стян-ки Борис Булав попросил меня набор антарктических конвертов с автографами знаменитов и свой запасной шерстяной подшлемник.

— Возьми на память. Мне хватит и одного, а тебе пригодится.

В Москве, когда я показываю фотографии с «Востока» и рассказываю, что за все время существования станции самым теплым был день с температурой около 20 градусов мороза, меня спрашивают: «Для чего мы на «Востоке», что тает и застывает жить здесь людям? Романтика, деньги, наука, страсть и неизведанному?»

Романтика. В Антарктиде о ней вспоминают редко и относятся к этому красивому слову сдержанно, как бы подразумевая: пусть о ней говорят на материке, но, что же даже и не ноуля, а мы будем спокойно делать свое дело. Конечно, очень интересно посмотреть мираны, дышать стерильным, прозрачным, колючим воздухом полюса холода, глазами, массами наблюдать за пингвинами или видеть, как весной переворачиваются гигантские айсберги. И, наверно, совсем не интересно проваливаться в жуткие антарктические трещины, совершать на самолете вынужденные посадки прямо на ледяной купол из-за испортившейся погоды, идти в пургу обвязанным вместе с товарищами кивантом и искать путь для само-транспорного поезда. И очень трудно не видеть 18 месяцев селми.

Деньги — причина понятная, но думаю, что для большинства полярников не основная и не решающая.

Наука. Непосредственно, в широком смысле на «Востоке» ее не делают. Здесь, как в электронную машину, закладывают начальную информацию о погоде, магнитном поле, прохождение радиосигналов, полярных сияниях, чтобы на Большой земле ученые обработали, обмыслили, сделали прогнозы, выводы, проверили теории и гипотезы. Данные из Арктики и Антарктиды, совмещенные с взглядом метеорологических спутников из космоса, позволяют судить о погоде в глобальном масштабе: «Востоки» — геомантический полюс — дает исключительно ценный материал для решения проблем, связанных с магнитным полем Земли. «Востоки» — его условия необходимы для научных исследований, связанных с космосом и конкретно с Луной.

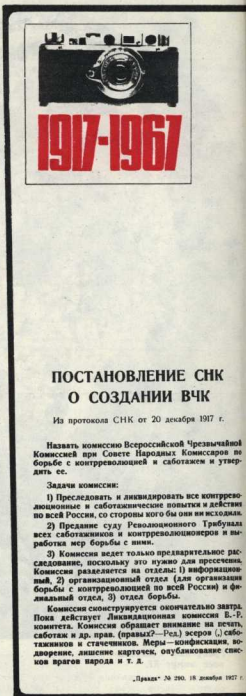
Так что же тает в Антарктиду и, в частности, на «Востоки»? Думаю, что ответить однозначно трудно. Для каждого она поворачивается своей стороной, но она неудержимо тает полярников — людей смелых и всегда молодых.

Пятьдесят лет назад, 20 декабря 1917 года, по инициативе В. И. Ленина решением Совета Народных Комиссаров была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем — орган, призванный защищать власть, завоеванную народом, от явных и скрытых ее врагов.

«Для нас важно, — говорил Владимир Ильич Ленин, — что ЦК осуществляет непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неосценима, много пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЦК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

С тех пор вот уже полвека чекисты стоят на страже покоя и безопасности Советской страны. Немало славных страниц вписали они в нашу историю, активно участвуя вместе с советским народом в строительстве коммунистического общества.

Публикуемый документальный очерк болгарского публициста Динко Гочева, написанный специально для «Смены», представляет читателям несколько новых эпизодов из героической истории органов государственной безопасности.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК О СОЗДАНИИ ВЧК

Из протокола СНК от 20 декабря 1917 г.

Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Задачи комиссии:

- 1) Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.
- 2) Предание суду Революционного Трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выполнение мер борьбы с ними.
- 3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения. Комиссия разбивается на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России) и специальный отдел, 3) отдел борьбы.

Комиссия организует оперативно-поисковую работу. Поиски ведутся в форме следственных комиссий. Комиссия обращает внимание на борьбу с саботажем и др. прав. (правых) — Рес) агитацией и стеснением. Меры — конфискации, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.

«Смена» № 290, 18 декабря 1967 г.

СРАЖЕНИЕ БЕЗ ВЫСТРЕЛОВОУ

Динко ГОЧЕВ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ

Убедившись, что вокруг нет ни одной живой души, он несильно перешагнул на тротуар и, войдя в подъезд, несильными прыжками одолел спираль лестничной клетки.

Дверь на третьем этаже была открыта. Хозяин ждал его. В темной

передней он молча сжал друг другу руки и еще постоял минуты две, напряженно вслушиваясь. Тишина. Ни один звук не нарушал ее. Дом спал. Спала улица. Спал город.

— Все в порядке, — сказал хозяин. — Просту вас, пройдите вот сюда... Позовьте вашу руку, боюсь, как бы вы в темноте с неприятели не наткнулись на стол или кресло...

Оcupию они вошли в комнату, сели на тахту.

— Закурим? — спросил гость. Вспыхнула спичка и на мгновение высветила из темноты мажорный подбородок, гладко выстриженную седую висок.

— Просту извинить меня, — заговорил гость. — Я знаю, что нарушаю элементарные правила конспирации

и подвергаю вас риску. Себя, конечно, но это — дело второстепенное. Главное — вас. Знаю, что вы, кто связан с вами. Но я не мог иначе, единственной ую срочное и серьезное дело заставило меня пригласить вас сюда. Надеюсь, вы не осудите меня, Иван Петрович!

— Ну что вы, что вы, — искренне сказал он, — стоить ли угнетать меня в том, что и так очевидно. Слушаю вас...

Хозяин заговорил. Он встал, прошелся по комнате, ни разу не задев в темноте ни один предмет, сделал несколько коротких затвеек. Потом загасил сигарету и стоя спал, по-военному отчеканивая наедине слово:

— Над моей родиной нависла страшная угроза. Между Гитлером и царем Борисом достигнуто тайное соглашение — фантасически об оккупации Болгарии германскими войсками. Соглашение вступает в силу немедленно.

Что и говорить, сообщение чрезвычайное — отозвался из темноты Иван Петрович. — Вам известны какие-либо подробности?

— Весьма слушные, но все же... В разведывательном отделе военного министерства разработан план переброски в Болгарию специальных немецких воинских частей. Скорее всего речь идет пока о дивизии «Бранденбург», которая должна выдвинуться на юг, где еще не действуют регулярные войска или где они уже не могут действовать. Намечена и дата вступления немцев в Болгарию: 19 февраля.

Начальник Главного управления пограничной охраны И. М. Востряк (в центре) среди пограничников Таджикского отряда, награжденных орденом Красного Знамени за подвиги в охране границы, 1932 год.

Председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский. Редкие снимки. 1925 год.

Участник задержания главы басмаческой банды Ибрагим-бека: уполномоченный ОГПУ Александр Васильев (с р в а), командир Таджикского добровольческого отряда Мухамед Сулейманов (в центре) и командир Ташкентского кавалерийского полка войск ОГПУ Александр Васильев.

Фото
П. ОЦУПА

Иван Петрович еле слышно присвистнул.
— Та-ан... усмехнулся он.— Вроде бы уже наступило шестнадцатое! Времени осталось не густо, а!

— Дорогой Иван Петрович,— быстро загвоздила хозяйка,— я узнала об этом несколько часов назад. Теперь вы понимаете, почему я решила срочно предупредить вас, пойдя на любой риск.
О риске ли сейчас было думать! Каждая минута ценилась теперь на вес золота. Ценнейшую информацию надо срочно отправить в Центр. Там будут ее изучать. Потом передадут ему задание Центра. На все это необходимо время. А оставалось только три дня. Три дня.

Хозяйка между тем продолжала:
— Наше правительство боится своего народа, оно знает, что появление немецких солдат в нейтральной Болгарии вызовет всеобщее возмущение. Тем более что болгары питают традиционную любовь к России — вы в этом имени совершенно убедитесь сами. Так вот. Немцы собираются войти и нам из Румунии, через Русь. И это узнал от своего бывшего сослуживца, теперь он работает в военной разведке. Не могу сказать, что это полностью наш человек, но он болгарский патриот, и предательские замыслы наших правителей возмущают его до глубины души. Я думаю, что его сведения можно доверить. Иван Петрович не единственный человек не перенявший своего собеседника, ни о чем не спрашивая его: знал, что

этот в высшей степени исполнительный, мужественный и честный человек подробно и четко раскинул все, что ему известно. А сведения его были поистине чрезвычайной важности — Иван Петрович понял это тотчас, когда услышал вечером по телефону его взволнованный голос. Полагал — и не ошибся.

Голос хозяйки звучал в темноте спойно, размеренно, девственно, но за всем этим скрывалась тревога и боль.

План переброски немецких войск в Болгарию подробно разработан доктором Делюсом, который представляет в Софии шефа гитлеровского дивера Канариса. Из Руси на румынский берег Дуная должны переправиться болгарский пароход с униформой для пингосов болгарских солдат, а том числе и для тридцати офицеров. В Дюдруду на борт будут приняты гитлеровцы. Нам вы и договариваетесь, на нашу землю они сойдут в форме болгарских солдат...

Да, это был на редкость подлый план. И одобрав во всему — оскорбительный.

Уже было известно, что министр-председатель Богдан Филов собирается на переговоры в Урзу, чтобы формально, открыто пригласить Болгарию и пресловутый ось Берлин — Рим — Тонкио. Новые сведения показывали, что события на Балканах бурно развиваются и что гитлеровские аппетиты не ограничатся Болгарией. Иван Петрович встал, обвел в темноте своего товарища по общей борьбе — большого болгарского патриота и

верного друга Советской страны. Так они постоили с полминуты, дарма друг друга в крепких объятиях.

Берегите себя, дорогой друг,— сказал Иван Петрович, стиснув его руку.— Вашую информацию я немедленно доложу Центру. Нет, нет, не прощайте меня...

РИСК ОПРАВДАЕТСЯ

Меню тем жизнь в Софии шла своим чередом. Ничто, казалось бы, не предвещало так опасных перемены, которые вот-вот должны были случиться.
Проходил мимо переполненных кафе, где жителя Софии медленно потягивали вино, часами вели неторопливые беседы. Иван Петрович иногда завидывал им: он бы тоже был не прочь часочка-другой пожить в слабом наведении и покое.

Но уже — до покаяния было еще так далеко! Получив его важнейшую информацию, Центр предложил ему заняться доктором Делюсом и его бюро: было ясно, что там находится мозговой центр гитлеровской разведки в Софии и нет такой важной операции на Балканах, иностранной могла бы вынудить его.

Заняться Делюсом... Но как подступиться к нему, к этому многогранному человеку, сменившему уже четвертое имя, но никогда не действовавшего публично, к своему собственному имени — Отто Вагнер? В разных странах Европы этого матерого разведчи-

ка знали то как брете, то как доктора Кучю, то просто как господина Кара.

Теперь он опять стал «доктором», принявшись фирмой торгового атташе при германском посольстве в Софии. Видимо, развитие коммерческих операций между Болгарией и Германией приняло такой оборот, что для размещения экономических и технических немецких советников понадобилось отдельное здание на Бульваре патриарха Ефтимия, № 37. На самом же деле там разместился огромный штаб кадровых разведчиков гитлеровского аэбра.

Ивану Петровичу удалось раздобыть список сотрудников бюро доктора Делюса. Скорю Иван Петрович узнал этот список наяву. Среди сотрудников таинственного бюро было несколько болгар.

Естественно, на болгар можно было рассчитывать скорее, чем на немцев. Но что собой представляют они? Чтобы получить даже самые скудные сведения о делюсовских сотрудниках, требовались огромные усилия, сопряженные с немалыми рисками.

Иван Петрович часто проходил по бульвару патриарха Ефтимия, незаметно вглядываясь в непринудимые окна делюсовского особняка. Как проникнуть за его массивные засовы? Сведения о болгарских сотрудниках эверовского резидента были весьма неутешительны. Почти все они проходили из предубитых семей.

Только вот — Елена Данева.
Ее дядя и отец когда-то боролись за освобождение Болгарии от чужеземного ига. Неужели от своих родите-

ПОРТРЕТ БАБУШКИ

Ателье фотографа Ивана Петровича Топова было всегда переполнено. Много народа приходило к нему в Софий. Хотя в ателье работали и другие фотографы, многие настаивали, чтобы снимки делал именно Иван. Он откликался: «Новую камеру терять не хочется». Снимки делались по своим клиентам, это вызвало бы удивление заходящих коллег. А в те времена времени отнимало много. И что делало, если из-за этого приходилось вести устные разговоры, разбираться с аппаратом, корпеть в лаборатории и вести утомительные любительские разговоры. Иван Петрович тогда все отключал, начинал свой рабочий день.

Впрочем, клиенты были разные. Пришел один, принес портрет бабушки. Иван Петрович сразу же заглянул обрывком. Попросил снять четыре номера удачнее.

Обычный заказ, наших десяти на дно. Для Топова он означал, что главный источник назначает ателье в успешном месте и в успешный день. На обрывке гавани сохранилась дата ее выхода. Если и ней прибавить еще три-четыре числа, на которое назначена встреча.

Встреча состоялась. Потом еще один заказ.

А в Москву полетели шифровальные работы. Иван Петрович и все остальные выходя из Софий, правили на север-запад, «Немецкая авиация на Гоцеи размещается в Софий». «На Балканах остаются только три германских дивизиона».

Стоял май 1941 года. Что означали эти приготовления, сомневаться не приходилось. Исключая одну неделю и гитлеровские полчища вторглись в Советский Союз. Иван Петрович в тайные окошки на бульваре Патриарха Ефимия стоял для Ивана Петровича в один из дней.

Иван Петрович в этот день был в Софий. Он пошел в магазин, купил немецкий шпиль, вышивки, Болгарские сувениры, вышивки шпильную подкову.

— Что тут происходит, без дела? А сколько еще не вывезли наших агентов шпилькой по свету, творит гнусные свои дела. Кто-то из них еще говорят «коммерсанты» из этой категории.

Данева делала все, что в ее силах, но добыть список делуловских агентов не удалось.

Где может «донтор» хранить списки своих агентов? Иван Петрович в своем кабинете, чтобы быть ближе под рукой. Тем более что — и это подтвердил многочисленные наблюдения — большую часть времени он проводит в конторе.

И тогда у Ивана Петровича родился проект, который поначалу назвали легкомысленным и фантастическим. Настолько фантастическим, что он сам сразу же от него отказался.

И все же мысль об этом не покидала Ивана Петровича. Все чаще и чаще он обдумывал детали, записывал все «как» и «почему». И в конце концов ему пришла в голову мысль, которую, что еще так недавно считали идеями, то есть идеями, постепенно обрело конкретное содержание. Иван Петрович начал перспективную операцию.

Иван Петрович начал с себя. Он решил без риска делить разведчик от себя шаг? И разве знает он материал, чем может делиться с другими участниками его операции?

ДЕЛУВА ОСТАЕТСЯ В ДУРАКАХ

Дата два в месяц Данева была дежурной по отделу. Дежурство закончилось с семи часов вечера до начала следующего дня. Иван Петрович в «конторе» оставалось всего несколько минут. Ничего не делая, он отключался со своего места. Это означало опасность встречи с ними в опустевшей конторе.

Поздним вечером Данева встретила Ивана Петровича. Он был в форме и галстуке, являла его в дом через один из многочисленных подъездов. Оба они зарисовали незнакомую и тщательно изучили его изучили. Настоятельно тщательно, и Иван Петрович начал говорить с закрытыми глазами пройти по заходящему на горизонт зданию и добраться до цели.

Данева — он шил, арматурщик, молча, дернул друг друга в руки. Когда докторна заглянула их шаги. Они расшатались в два шага. Иван Петрович Дверь была заранее открыта. Иван

Петрович вошел в кабинет и повернул ключ.

Личу маршанского фонарика выхватил из тумбочки валяющийся пакетчик погас. Свет уличных фонарей не пролился в кабинет. Иван Петрович и Данева были затянаты очком. Но Данева не дала ему поворота пальца на замок. Данева не давала, ничего не давая, ни на что не давая.

Ключ вошел бесшумно, и сейф открылся. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— С чего начати? Предварительно проглядеть все эти документы, хотя бы мельком, было невозможно. Пересчитать все — тем более. У него просто не было времени. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

Он стал разглядывать ценники своих вещей. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Что вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Дверь вынули... Что делати? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

Взглянул... Разве вы местными глупы? Застрял же по городу разведчик слух, что вы убили членами, Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Будьте спокойны, я уже позаботился о вас. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

Иван Петрович умиротворенно покачал головой. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Успокойтесь, господин Делува. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

шпиола, потом разладил надтреснутый голос человека, часто прерываемого кашлем свой расказ:

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Как началось лето 1957 года на границе с Югославией? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

ДОБАВЛЮ ЛЕТ СПУСТА

Была весна, май, солнышко грело собою по-летнему. В танце дни софийские улички и бульвары всегда переполнены.

Иван Петрович зашел в столовую, Данева по обыкновению направилась в бинарийский северик с конком в руке, и несомненно услышала бы от своей спутной мужской голубы.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иван Петрович, вы не видите, что это неприлично выглядит на вашем месте? Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

— Иороче говоря, этот человек познакомил меня со своим приятелем Иваном Петровичем. Иван Петрович и Данева выхватили ключ от его сейфа.

Перевел с болгарского А. ВАНКЕРГ

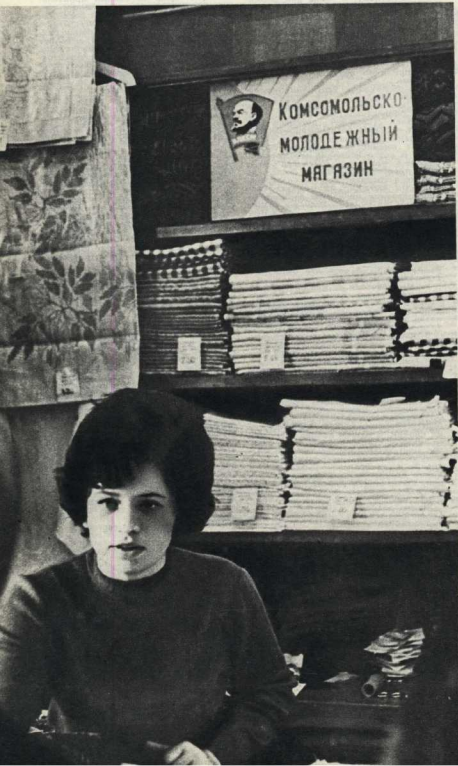
О прилавке, контрабасе и призвании

Лариса Сафонова из магазина «Тяни» играет на саксофоне. Воледа Романов, продавец из «Электротоваров», — контрабасист. Тамара Лискова из «Дружба» исполняет эстрадные песни. Для самих колумнистских продавцов это, безусловно, приятно. А как для покупателей?

Работа за прилавком требует знаний. Однако молодые и эгоистичные не очень стремятся в стан Меркурия: плохие условия труда, однообразие, отсутствие перспектив, зачастую малограмотные коллеги. Статистика свидетельствует: половина молодежи, поступающей в торговлю, уходит в тот же год.

В колумнистском протомторге годовая текучесть — десять процентов, а среди молодежи и того ниже. Очевидно, потому, что директор торгового предприятия Е. М. Федосова давно поняла, что между контрабасом, которым увлекается молодой человек, и его работой существует прямая связь. Дав любознательному юноше любимый инструмент, помочь учиться в институте да еще переоборудовать магазин в современный стеклянный салон — и никауда он из торговли не побегит, всю свою образованность, усердие и обаяние щедро подарит покупателю.

Лариса Сафонова в магазине...

В магазине электротоваров — самообслуживание...

В магазине «Ткани», что на площади Двух революций, комсомольско-молодежный коллектив отличного обслуживания. Здесь действительно почти все молодые, действительно стараются работать отладно и действительно есть коллектив — нечто более дружное и крепкое, чем просто производственное объединение людей. Четверо из двадцати продавцов — студентки Института советской торговли. Директор магазина Вера Осипова — на четвертом курсе, заведующая секцией хлопчатобумажных тканей Людмила Березинговская — на третьем, старший продавец, она же комсорг торга Нина Болотина — на первом, а с нею вместе учится и Черманенцева Рая. Когда начинается сессия, четверка отбывает в Москву, а остальные дружно «облеют», с нетерпением ожидая результатов. Потом так же дружно празднуют победу над соперником и бухгалтерским учетом. Объединяют девчат и спортивные страсти, особенно когда волейбольную честь продавцов защищает их Наташа Вискарева. Но больше всего они любят вечера, организованные клубом «Улыбка», где выступают эстрадные коллективы колменского торга. На страже тоже есть свой человек из «Ткани» — Лариса Сарфанова с перламутром саксофоном.

Да и методика торга Тамара Шарофу, ту самую, что ведет все организационные дела самостоятельности, тоже можно считать влопе своим человеком. Не проходит дня, чтобы Тамара шумно не вторглась в магазин: то срочно нужен хекол на ударник, то в «Улыбка» ожидается сверхинтересные гости.

Кроме артистов, студентов и спортсменов, в «Ткани» есть еще своя «королева». Весной на градском балу во Дворце культуры, где девушки всего города состязались в грации и эластичности (а заодно и демонстрировались ткажи и готовые платья), Лида Силина в налетком подалке с представительницами «Маршал» взяла королевский венец. «Теперь тебе надо обслуживать покупателей только по-королевски», — пошутила тогда директор. Но за шуткой Лида отлично уловила намек: пора учиться дальше, ее восемь классов уже фигурируют в «черном списке» отдела кадров, куда заносятся комсомолки, не окончившие школу.

— Вот уже три года берем только со средним образованием, — сказала мне Н. Г. Селыманова, заместитель директора торга по кадрам. — На днях договорился с семнадцатью выпускниками нашей подшефной двадцать первой школы — пойдут прямо к нам. Среди них семеро

парнишек; дошло, что торговля — штука серьезная. С молодежкой работать легче; молодых не путают новые формы торговли, например, продажа по образцам, они гибче, образованнее, вкус у них современный да и перспективны больше. Возьмите хотя бы Осипову. Пять лет назад пришла она к нам в «Ткани» маддами продавцом, прямо со школьной скамьи. Поступила в институт — сделала старшим продавцом. Потом преуспевшая багнету директора: будет на пенсию уходить — готов Осипову себе на смену. Люди с высшим образованием у нас в торге, как и везде в торговле, пока на вес золота: всего 12 из 752 человек. Но заметьте, 32 человека уже учатся заочно в Институте торговли и 39 в техникуме, так что специалисты будут. Вы вот спрашивали, не бежит ли молодежь из торговли. Ну, иная, конечно, бежит. Но мы стараемся, чтобы хорошие непременно остались у нас. Магазины модернизируем — дневной свет, пластмасса, отопление, газ, красивые утюжки. Самостоятельность создали неплохую, туфельки всем купили, костюмы, инструмент какой полноте... Для спортсменов тоже ничего не жалеем...

Молодежь составляет больше половины работников колменского торга (по стране в сред-

... и в клубе «Улыбка»

В центре — Николай Прыжихин, продавец и солист ансамбля торга.

Уточняются детали очередного культпохода.

Покупатели внимательны к советам Лидии Силиной.

нем 25—30 процентов). Среди директоров магазинов 40 процентов молодых, среди заведующих секциями — 70 процентов. Нине Болотиной, комсомольскому секретарю, разрешено работать в «Тяжелых только четыре часа, остальные поданы — для комсомола. Это оправдывает себя: чем интереснее живут комсомольцы, тем больше привязываются они к своей работе. В каждую сессию на торги отпускают на кухню 30 человек. Холоднее, тяжелее, но тоже себя оправдывает.

— Сейчас мы сами стали ездить с нарядами на фабрику, — рассказывала Вера Осипова, — на Трехгорку, Каржаскую или имени Свердлова. Деньги смотрят, выбирают, что помоднее, подорожее. В этом выборе можно теперь положиться на любовь: учатся, слушают лекции по эстетике, читают журнал «Новые товары», следят за новинками в «Советской торговле». В общем, грамотный народ. У нас ведь как? Сегодня по телевизору увидели «комету» или «снежок», завтра уже требуют из, спрашивают, что за ткань, салюты ли при ширке, годится ли на летнее пальто. Мы стараемся избегать слов «не знаю».

В небольших городах, где люди знают друг друга в лицо, между хорошим продавцом и покупателем неизбежно устанавливаются «поу-семейные» отношения. Пожилая женщина просит: «Мне бы свохе на гаряина купить что по-лучше. Уж больно хочется порадовать!» И продав-лет Икутинская, перебрала несколько цветных рукавов, разорачивает нечто нежное, с искрам-ми... Выбрано тщательно, как для себя. Это и есть, наверное, принцип настоящего продавца — как для себя. Правда, при этом необходим, ко-нечно, тонкий вкус. Девушкам из «Тяжелых» от-казать в хорошем вкусе неалды, одеты они в изыскую униформу — бежевые палаты с ко-ричневой красной апликацией, тщательно, к лицу причесаны.

Целый день поржак в воздухе метры. «Ситце берет для себя? Тогда советую поменьше ри-сунков...» «Хорошей шерсти сейчас нет, загля-ните через неделю...» «Этот драп для нас те-желоват, возьмите лучше обмечтенный...»

А вечером они нарядной гурьбой (куда толь-ко улетучивалась дневная усталость) перебегают через площадь в красной уютной своей соседи, магазина электротоваров. Там на стоиках уже расставлен кофе и на эстраде готовит инстру-менты оркестр.

«Сейчас выступит наш Кома Прадхкин», — предсказывают «электротоваришки». «Нет, на-ша Тома!» В общем, неважно, конечно, кто от-кроет очередное заседание веселого клуба «Улыбка». Главное, что они опять все вместе, довольны этим вечером, своим городом, своей работой.

Память моего трудолюбивого товарища по долготелой совместной работе и моего любимого друга льва Цезаря поносящую.

и был очень хорош, мой Цезарь. Могучее гибкое тело, точные лапы, нервный и сильный хвост с пышной черной кисточкой на конце. Темная, желтоватая шерсть, большая красивая голова, царственно посаженная на мускулистую шею, и густая черная грива. Устрашающий ослеп белозубых зубов в огромной, истинно львиной пасти; каждое движение гармонично, легкое и величественное.

Много лет я провела рядом с этим львом, много лет упрямого труда, постоянных исканий, и в такой великой совместной работе всегда мой Цезарь был моей главной опорой, радостью, другом. Но попробую рассказать обо всем по порядку...

С раннего детства я очень любила животных. Должно быть, я научилась этому у моего отца, сначала скромного ветеринарного врача, а потом профессора Харьковского ветеринарного института. Я подбирала на улице и приносила домой брошенных котят, бездомных щенят, молодых грачей, выпавших из гнезда.

У отца всегда было много работ. Кроме ветеринарии, его часто приглашали в зоологический сад, на цирк, на ипподром, где он лечил чужеродных слонов, и в цирк. Тогда отец звани непременно то к лошадам, то к собакам, то к обезьянам. И всякий раз отец брал в цирк меня. «Это моя помпидуца!», — говорил он, улыбаясь, и я очень гордилась этим словом. Тогда же я всей душой полюбила цирк и тайно мечтала о нем.

Отец мой, Николай Иванович Бугримов, был очень самостоятельный и интересный человек. У него была большая библиотека по специальности, но он покупал и художественную литературу и исторические книги — все, что его интересовало. Однажды я увидела на письменном столе отца небольшую, в скромной обложке книжечку. Я уже училась в школе и сразу узнала латинский шрифт, хотя и не поняла заглавия, — под ним был маленький черный слиток льва. Это сильно заинтересовало меня. Я не удержалась и спросила:

— Это, наверно, про льва?

— Нет, совсем не про льва! — снисходительно улыбнулся отец.

А почему же тут нарисован лев? — не унималась я.

— Потому, что человек, написавший эту книжечку, был храбрый и смелый, как лев.

Этот человек был знаменитый римский полководец, государственный деятель и писатель Кай Юлий Цезарь.

Звучное незнакомо мне поразило мой слух, легкое воображение и очень мне понравилось. Этот разговор с отцом и этот образ Цезаря запомнились мне на всю жизнь. И еще поразило меня выражение, идущее из глубокой древности, но сошедшее, вероятно, к людям, желяющими прожить свою жизнь не бесцельно: «Aut Caesar, aut nihil!», — то есть «Или Цезарь, или ничто...». По-моему оно стало для меня очень важным.

Я подрастала здоровой и ловкой. Любила танцы и училась балетной студии, увлекалась театром, потом занялась спортом и была чемпионом Украины по легкой атлетике; и была

на коньках, плавала, ездila верхом. Но вестии больше всего я любила цирк. Это и определило мой жизненный путь: я стала цирковой артисткой. Преодолев некоторую растерянность родителей, не ожидавших от меня такого «трекля», я решила освоить свой собственный трюк в цирке. Это был первый советский механический аттракцион — «Полет на свинях». Он был рискованным. В легком костюме я садилась на металлические сваи, закрепленные почти под самым куполом цирка, и летела стремглаз с бешеной скоростью вниз по особому скату, который образовал приблизительно метрах в трех от арены. Мои сваи, подброшенные трамплином вверх, отрывались от ската и летали в воздухе головокружительную петлю или же пролетала через подвешенное над манежем вращающееся кольцо и затем опускались в сетку. Полет был опасен, во время его исполнения ахталося дух, каждое движение должно было быть рассчитано самым точным образом, малейшее невнимание или ухудшение трюка тем, что разовьется азарт; казалась, жизнь висела на волоске. Но я скоро привыкла к опасности и работала почти спокойно. Этот номер очень нравился публике, но меня он скоро перестал занимать. Заключалось чего-то нового, опасного, новых опасностей, но и новых достижений.

Обязав со своим аттракционом все советские цирки, я решила изменить жанр своих выступлений и сдаться дрессировщице львов. Почему именно львов? Лев — царь зверей, красивый и могучий. В самой природе его есть какая-то ему одному присущая власть и гордость. Он не любит подчиняться, он очень труден в общении с другими львами, характер его сложен и противоречив. В гневе лев страшен, он доходит до бешенства, но знающего границ. Он умен, сообразителен, быстро понимает, чего от него хотят, но повиноваться неохотно. Дрессировать льва труднее всего.

В то время, о котором я вспоминаю, а дрессировщиками зверей и животных выступали главным образом зарубежные артисты. Наши мастера работали мало: талантливое поколение Дуровых работало больше с домашними животными или с «мирными дикими», вроде обезьян, морских львов, слонов. И я с интересом присматривалась к работе Николая Гадлядишкова и Бориса Одера, дрессированных хищников. А женщины — дрессировщицы львов тогда в нашей стране не было ни одной. И я решила стать дрессировщицей.

В цирк в Кузбассе, где я тогда работала, привезли по моей просьбе из австрия трих маленьких льва. Они были по четыре с половиной месяца. Их тут мне вспомнилось мое детство, маленькая книжечка с латинским названием, черная слиток льва, памятный разговор с отцом и мои пленительные имя: Кай Юлий Цезарь. Я решила его красиво и выразительно трюком или раздвигать между тремя братьями-львами.

Львенок средней величины и умеренно-желтоватой окраски был Кай, самым светлым — Юлий, а самым крупный, с темноватой шерстью — Цезарь.

Львята были еще малы и глупы, время стало уже прокладное, они злились. Я ухаживала за ними, кормила молоком и яйцами, кормом и рыбным жиром, дичил их, когда они болели. Без тщательного ухода они могли легко погиб-

нуть. Начинала «учить» их и при этом училась сама нелегкому искусству дрессировщика. Скоро я уже поняла характеры и наклонности моих питомцев: Кай оказался нерешительным, пулякливо-близким ленивым, но Цезарь был великодушен и представлял собой самую благодатную и нужную для дрессировки материал. Во-первых, он был необыкновенно внимателен ко мне, он буквально не отходил от меня. Во-вторых, он оказался очень умным, понятливым. В-третьих, он был старательным. И одинаково занимался со всеми, но Цезарь очень скоро опередил своих братьев и завоевал мою искреннюю признательность. Вместе с тем я сама совершенствовала свой «индивидуальный» подход к каждому зверю.

Первые мои шаги дружба заключались в том, что входила в клетку, кормила львят, называла по именам, долго разговаривала и играла с ними. Они привыкли к звуку моего голоса, к ритму его эмоциональным оттенкам, к своим кличкам, к смыслу обращенных к ним слов. И, как потом, нравились самым несложным ватен. На первых порах я постепенно прикармывала дорогу к их еде дотем, но все же звериным сердцам, однако и они занимали уже определенное место в моем сердце. Первостепенно очень скоро стало принадлежать Цезарю. Он был крупнее своих братьев, быстрее рос и привыкал ко мне, хороше и умил с каждым днем. Вместе с тем он держался независимым, спокойным, уверенно, часто очень солидно и гордо. Кличка «Цезарь» удивительно шла к нему. Еше львенок, а уже маленький царь зверей. В нем не было ни трусости, ни суеты, ни подострастия, но во всем его существе проглядывало большое чувство собственного достоинства, что-то сильное, благородное и величественное. Постепенно он становился красивее своих братьев: шерсть его отливала темным золотом, лоснилась и блестела, каждое движение было легким, исполнено особенного достоинства и какой-то одному ему присущей звериной грации, латинские глаза никогда не бежали по сторонам, но смотрели прямо, сосредоточенно и серьезно.

Часто, окончив работу, я задерживалась у клетки и много любозавалась своим любимцем. А он, как и всегда понимал это, тоже смотрел на меня своим сверкающим латинским взглядом. После утренних занятий льва были предоставлялись себе. Отдохну, они иногда заводили в клетке игры — ведь они были еще очень молоды, но иногда тактично соразлись. Цезарь никогда не обижал братьев, хотя и превосходил их по величине и силе; он был слишком благороден.

Цезарь никогда не враждовал с новичками. Самым большим, что он позволял себе издеваться, это открываться от новичка и смотреть только на меня. Но, очевидно, ему не нравилось проявляющееся сначала враждебное действие других львов. И он, как бы желая помочь мне и приваить к порядку новичков, справлялся куда со своего места и подбегал ко мне. Тогда я должна была сделать громкий окрик, чтобы он не «помогал» мне: «Цезарь, на место!» Это был единственный случай за всю нашу долговременную совместную работу, когда я помышала на него голое.

Цезарь осваивал один номер за другим. Работая он всегда красиво, значительно. Он открывалась, иногда заманивая латинской — словом, «подлаив себя» с нарочитым велико-

днем, и по существу, был не только очень сообразителен, но и как-то особенно благороден, добр и очень любил меня. В работе с ним я всегда была уверена и спокойна.

Цезарь приваивал мой авторитет в любви к настроению и безразличию. Он узнавал мое настроение, в какой бы одежде я ни была: перемена рабочего комбинезона, платья, пальто, выходного костюма для выступлений для него никогда не имела никакого значения, в то время как другим людям трудно привыкать к изменению моего внешнего вида.

Но однажды и с Цезарем произошел забавный случай.

Работая с ним, уже выросшим и возмужавшим львом, осваивая все новые и новые номера, я носила модную тогда прическу — уложенные волосы спадали мне на плечи. Но вдруг эта прическа надоела мне, да и муж посоветовал мне изменить ее. И вот, когда я с новой прической вошла к своим львам и поздоровалась с ними, Цезарь вдруг как-то странно смутился и даже расервелся. У львов вообще неплохая память, а у Цезаря была отличная. Он сразу увидел заметную перемену в моем облике и вдруг заколебался. «Ты это или не ты? — вероятно, думал он. — Голос тот же, походка та же, запах тот же, а вот лицо такое стало другим...» Он неподвижно стоял в клетке и, не спуская с меня широко раскрытых желтых глаз, удивленно и пристально разглядывал меня. Вся его огромная, мощная фигура выражала растерянность. Мне стало ужасно смешно. Я стояла у клетки, смеялась и говорила ему: «Ты не узнал меня, да? Это я, а Цезарь, уверяю тебя, что это я! И даже, дружок, начинать работу...» После этих слов он поновался. Но те два дня три часа, пока мы с перерывами на отдых работали, он все время приглядывался и приглядывался ко мне, как бы проверяя себя и желая окончательно убедиться, что он не ошибся.

Мой Цезарь был исключительно разумным зверем. Когда он забавлялся и приходилось заучивать его, он как будто понимал, что это делается из самых добрых побуждений, и никогда не сопротивлялся. Он как будто даже приваивал полую медицину.

Не буду подробно останавливаться на трагичном случае, произошедшем с Цезарем в начале и со мной в Сочи осенью 1955 года. Хищники во время представления, в переполненном цирке, вдруг вышли из повиновения, затеяли странную игрушку между собой, а когда я стала их выгонять, начался набросок на меня. Я чуть не попландиса тогда жизнью. Но все же не могу не упомянуть об этом случае, так как тогда сильно пострадал и Цезарь. Началось с того, что один из самых непокорных и недобрых львов — Аракс — осмелился публично не выполнить моего приказания в номере на большом деревянном шаре. Он рычал, отпрыгнул, не слушал команды. Но я решила во что бы то ни стало предупредить его и все же заставила, с помощью трубки, к которому я вообще прибегаю не часто, вскопичить на деревянный шар и, искусно перебирая лапами, прыгнуть на нем по всему манежу. Номер этот труден, он требует от льва хорошего чувства равновесия и начальной реакции на мой сигнал. В этот раз Аракс номер, во яросте его усилился, он все время волновался и гроно рычал. Не обращая на него внимания, я подавала команду для следующего номера — прыжок через барьер. Цезарь спрыгнул со своей трубки первым и уже прыгнул к прыжку, но в эту минуту разъяренный Аракс неожиданно прыгнул ему на спину и укусыл его. Завязалась страшная драка, в которой пригрозилась брат Аракса Самур и еще два льва.

Нет зверя более страшного в гневе, чем лев. Разбушевавшись, он уже не знает удружу: его ничем не остановить — ни бичом, ни огнем, ни трупом. Яростно рыкая, хрипя, он выскочил из манежа и метнулся во все стороны, закрывая выход из нее. Я никак не могла разогнать дерущихся львов, и они стали нападать на меня. Третья последний остаток сил, и крикнула своим помощникам по работе, чтобы немедленно струили холодной воды из пожарных шлангов охладили бешенство и злобу львов. Драка стихла, я вышла из клетки, и представление было закончено.

В этой драке Цезарь сильно пострадал и мой брат. Его сильная старая рука оказалась на ней такой огромной и глубокие кровавые раны. Надо было спасти Цезаря, лечить его. Но это

оказалось почти невозможным. Ни один врач, ни один мой помощник и даже я сама не могла войти в клетку к иррадианному льву: у него не пускал. Нервная система его была сильно нарушена, он очень плохо себя чувствовал, плакал, трясся от злости. Его мучила, конечно, страшная боль, раны кровоточили и гноились. Положение Цезаря было настолько серьезным, что я боялась, как бы он вообще не погиб.

И я начала лечить его. Взяла в руки больного спиреидом с перерывами по полчаса ходила в клетку к Цезарю. Он печально смотрел на меня, становил от боли, тяжело вздыхал, но тем не менее подходил к решетке и подставлял мне свою искусанную спину. Казалось, он понимал, как мне жаль его, как хочется его вылечить. Он выдерживал всем своим могучим телом, иногда тихоно рычал от боли, но был покорным, словно чувствовал пользу моего лечения. Постепенно, хотя и очень медленно, рамы у Цезаря зажили.

Но однажды «врачом» оказался сам Цезарь. У одного из моих львов, Таймура, вдруг образовалась на десне нарыв. То ли он укололся во время еды острой костью, то ли это было связано с болезнью зуба, но в пасть по льву попала капля-две инфекции, и возникший нарыв сильно мучил его. Я видела это, видела и врач, которому я показала больного, но помочь ему нам было трудно. И вот Цезарь стал подходить к больному льву, тот раскрывал пасть, и Цезарь принимался лизать ему воспаленную десну. Он делал это очень настойчиво, по несколько раз в день, и большой, чувствуя облегчение, позволял это. Помню, что тогда убирала клетку и корки хитинского одиной простой деревянной дилы, который первым заметил это и сказал мне: «Смотри, смотри, Николаевна, какой у нас дохтур обьявился! Цезарь-то ходить и ходить до хвостого Таймура, у самую пасть до него залезает и все лизает и лизает его большое место...»

С новой группой львов Цезарь сработался довольно быстро. Он не сорвался с ними, не дрался, но в каждом номере продолжал быть «ведущим артистом».

Шло время, мелькали годы, и мои друзья с Цезарем росли и крепли. Он сменялся все новыми труппами. Именно с Цезарем я начала разучивать свой номер с «ковром на львов». Он первым покорно ложился на манежную подстилку, улекая своим примером других львов, а я подползала в лежачее тушило между лапами самого больного, самого красивого и устрашающего своим грозным видом Цезаря, уверяя в его послушании и привязанности ко мне. Казалось, он был даже доволен тем предположением, которое к нему оказывала, и иногда острожно и ласково, не выпуская своих страшных когтей, клал мне на шею свою огромную лапу.

Именно с Цезарем я впервые огрепетировала другой опасный и рискованный номер. Много труда и терпения было затрачено тогда мной, но умный зверь понял задание и научился выполнять этот номер умно и безотказно. Когда мне подавали кусок сырого мяса, я командовала Цезарю, и он, выходя из клетки, приносил себе в рот. Цезарь тихо и неторопливо приближался ко мне. Я видела в нескольких сантиметрах от своего лица его огромную голову с раскрасневшейся пастью, его черная грива казалась моих щек, и чувствовалась это горячее звериное дыхание, и наши взгляды скреплялись совсем-совсем близким. Несколько мгновений мы смотрели так друг на друга, а я видела его блестящую ядро-желтые глаза, две большие черными зрачками и его напряженный и внимательный острый взгляд. Но я не испытывала никакого страха. Я хорошо знала моего питомца и доверяла ему полностью. Очень осторожно, мягко, ласково, утихивала и отступала ближе. Цезарь уже смущался: был грустен, хужел, е, с напряженным вниманием встречал каждого входящего в помещение с клетками, ожидая меня, и разворачивал был хвостом, видя, что это чужой человек, когда я поворачивала, его хвостом было конца. Он в веселом волнении бежал по клетке, ласково поркивался, вставал на задние

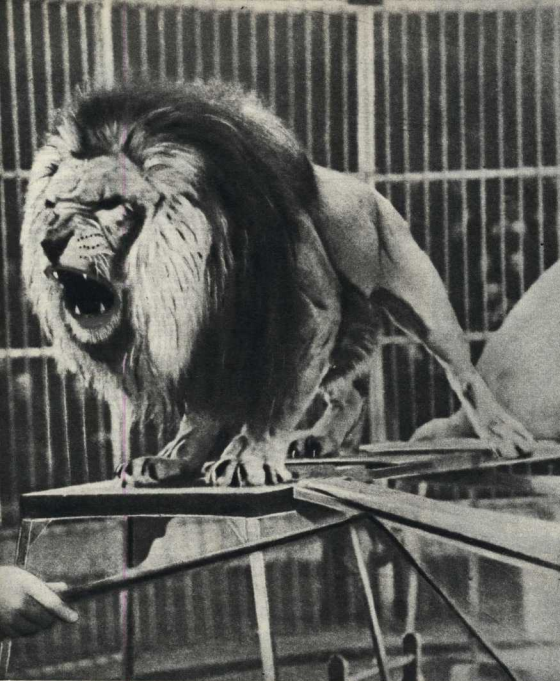
Прошли годы... Время сохранило мало фотографий

лапы, громко дышал и не сводила с меня радостно загорающихся глаз.

Когда Цезарь был молодым, я приучила его к треску и запаху мотоцикла, и одним из номеров были «гонки»: Цезарь быстро бежал по кругу манежа — всегда вперед, — а его догонял мотоциклист и не мог догнать. Мой Цезарь извещал и смею ходить по жерди, очень ловко, несмотря на свою величину, прыгал в кольцо, раскачивая львов на доске, сто посредине и переменяя центр равновесия, бесстрашно качался со мной на качелях, смело прыгал в огненное кольцо. Красным номером также был его собственный «портрет»: в огромном кольце-подкове он появлялся перед публикой иногда с открытой пастью, рыча, а иногда спокойно, в величественном молчании, и стоял неподвижно несколько минут. Я была с ним рядом. Цезарь любил этот номер и в арледе годы и в старости был всегда в нем очень хорош, позировал умело и легко.

Мне очень запомнился один забавный случай, происшедший на почве исключительных аферских дарований Цезаря. Мы работали на гастроль в одном из больших городов на Кавказе. Шло время представление, и я решила быть предупредительной. После недавнего происшествия в Сочи теперь «на всякий случай» никто стоял пожарник со шлангом. Но вторых я забыла предупредить его, что львы, как правило, работают послушно, относятся ко мне дружелюбно и что пускаться в ход шланг следует в самом крайнем случае и только по моей команде.

Цирк был переполнен, все шло как нельзя

Цезаря, поэтому сейчас каждая из них особенно дорога мне.

лучше, львы были спокойны и работали отлично. Цезарь, как всегда, — виднее, страшнее и лучше всех. Начался его номер. И вот, когда лев с восторженным и очень серьезным видом прошелся по высоко поднятой жерди и повернулся на своей тумбе для обратного прохождения, он заточку задержался, как бы недовольно раздумывая, не подпрыгнуть, а я подавая команду: «Обратно, Цезарь!» Наш номер был построен и отрепетирован так, что Цезарь будто бы не понимает, рычит, замахивается на меня могучей лапой и делает рывок в мою сторону, как бы желая броситься на меня, а я отшатываюсь от него, но повторяю свое приказание. И только тогда он повиновается мне и возвращается по жерди обратно.

Вся эта сцена была усвоена давно, надежно и прочно, и для меня с Цезарем была одной из самых привычных. Мне всегда казалось, что оно даже приятна Цезарю, понимающему ее как род игры с ним и напоминающую ему его детство. Цезарь особенно хорошо играл тогда со мной и любил эту игру. И теперь, огромный взрослый лев, давно привыкший к маневру и массе напряженно-внимательных зрителей, Цезарь, с самым суровым видом сидит на тумбе, дерзко замахиваясь на меня лапой, грозно рыкнув и сделав привычный бросок в мою сторону, а я, как всегда, привычно отшатнулся. Но пожарнику, наблюдавшему за этой сценой, она показалась настолько «всамделишной» и устрашающей, что он по своей собственной инициативе моментально пустил в ход свой брауншпйт. При этом он, испугавшись за мою жизнь, почему-то направил шланг не на Цезаря, а на

меня и неожиданно окатил меня сильной струей холодной воды с головы до ног. Цезарь, не слыша моей привычной повторной команды, растерянно стоял на своей тумбе; мне же пришлось прервать номер, чтобы уйти за кулисы переодеваться. Публика, тоже считавшая, что ситуация была очень серьезной, волновалась, перереживала случившееся, и, кажется, одобряла действия пожарника. Что же касается самого Цезаря, так прекрасно сыгравшего свою роль, то он был в страшном недоумении и растерянности, не понимая, что случилось и почему все это произошло. У него был такой сконфуженный и даже виноватый вид, что я не могла не рассмеяться до души.

Как незаметно подкрадывается старость к нам, людям, так не шадит она и зверей. Их жизнь еще короче нашей.

Незаметно и быстро прошла в постоянной работе жизнь моего Цезаря. Начав свою «трудовую деятельность» еще пятимесячным львенком, Цезарь прилежно и безотказно трудился до самых своих последних месяцев. Хотя известный ученый XIX века Врем уверяет, что львы живут до шестидесяти лет, это неверно, и последние научные данные говорят иное. Львы и на воле живут обычно 20—25 лет, но у из-за трудных условий борьбы за существование не всегда достигают этого возраста. Цезарь прожил на свете и проработал в моей «львиной труппе» 23 года. Угасание его шло постепенно. Уже к двадцати годам я стала на-

мечать, что мой красавец Цезарь постарел. Движения его стали более медленными, в прекрасной черной гриве появлялись седина, его замечательные «говорильные» янтарные глаза уже не сияли так ярко, как прежде, и иногда слезились, он терял аппетит, меньше двигался, больше лежал в клетке, мало спал, во сне иногда тихонько стонал. Я видела все это, всей душой жалела его и с острой болью в сердце думала о том, как я буду работать без моего премьера и любимца. Большую часть моей жизни и всю его жизнь мы проработали вместе. Цезарь ездил со мною на гастроли и в другие страны; был в Польше, в Чехословакии, в Болгарии и в Иране.

Несмотря на старость и недомогания, Цезарь хотел работать. Перед нашей поездкой в ГДР он вдруг захромал. Я думала, что он простудился, что это временное явление и пройдет, лечила его. Врач знал мою большую привязанность к льву, был очень внимателен, давал зверю лекарства, делал облучения и прогревания, но ничего, что у льва «старческий ревматизм», плохо поддающийся лечению, и что общее состояние его здоровья уже слабое.

Помню, как тяжело было у меня на душе, когда я впервые вышла на манеж без Цезаря, мне так не хватало его. Закончив свое представление со львами, я подошла к клетке Цезаря и увидела, что он с самым отчаянным видом вопросительно смотрит на меня, как бы спрашивает: «Вот что ты не видела меня сегодня с собой на работу, палец и чеш-чабуку провалились перед тобой? Ведь я же хочу, чужо работать». Вся его морда была в крови. Служители, ухаживавшие за львами, рассказали мне, что Цезарь, не понимая, отчего его не выпустили на манеж, выстучал вместе с другими львами, начал в отчаянии биться о прутья решетки и сам страшно, до крови, избивал себе морду. Он не мог смириться с тем, что его не видят. Он хотел работать.

Я смотрела на бедного окровавленного Цезаря, говорила ему ласковые слова, старалась всячески успокоить его. Но я впервые поняла, что Цезарь больше не артист и работать уже не будет.

И все-таки я продолжала бороться за его жизнь. Все, что было возможно сделать для спасения Цезаря, было сделано. Однако лев не поправлялся. Наоборот, наступило заметное ухудшение, он стал хромать и на другие лапы, у него болела лопатка, и очевидные боли принуждали его лежать. Он стал очень мало есть, катастрофически худел и заметно угасал. Прошло с полгода, как он не работал, и за это время он стал на моих глазах глубоким стариком. Его могучее тело очень изменилось, красивые и блестящая шерсть потуснела, он весь как-то сильно уменьшился. Зубы ослабли, он не мог терпеть есть ни костей, ни мяса, а только мясной фарш, и очень мало. В последние свои дни Цезарь уже ничего не ел, а только пил понемножку воду.

Умер он легко. Небольшие легкие судороги прошли по его телу, он вздохнул, выткнулся и затих навсегда.

Похоронили Цезаря на окраине Минска, на кладбище для павших животных, в отдельной могиле. Сверху на него положили большой камень с надписью: «Лев Цезарь».

Я очень тяжело переживала эту утрату: будто бы умер кто-то очень близкий. Опечален был и мой муж, Константин Аркадьевич Пармакин, мой постоянный помощник в работе со львами и тоже большой друг Цезаря. Остаток начальной и работнической карьеры, много лет знавшие моего льва, всегда старательно и безотказно трудившиеся на арене. Все любил это прекрасное, благородное и царственное зверю.

С тех пор пошел седьмой год. У меня появились новые питомцы, которые тоже привязаны ко мне и хорошо работают. Но такого льва, как Цезарь, у меня больше не было и нет.

И забыть Цезаря я не могу. С ним связаны и начало и расцвет моей артистической, самой большой и значительный период моей жизни, почти четверть века незлгой, но любимой работы.

И когда я смотрю на немногочисленные фотографии с изображением Цезаря, и вспоминаю его и его трудовую жизнь рядом со мной, его исключительную привязанность ко мне, мое сердце всегда наполняется глубокой, светлой печалью и большой немемкаванной благодарностью к этому удивительному, прекрасному зверю.

Молодые солдаты Патет-Лао. За спиной каждого из них сотни километров, пройденных по джунглям и горам, десятки сражений.

Александр ГУБЕР
Фото автора

РЕПОРТАЖ ИЗ ОСВОБЖДЕННЫХ РАЙОНОВ ЛАОСА

И район, контролируемых Патристическим фронтом Нео Лао Хан Сат, может походить на селения Лаоса. За два последних года американцы сбросили сюда по четыре бомбы на человека, включая женщин, стариков, детей. Но ни одна бомба не упала на территорию, контролирующую рациональными силами Лаоса... С этим различием мы столкнулись, едва очутились в освобожденных районах. Оттуда днем вестовыми бомбоубийствами-пещерах, перевезли по ночам, бесшумными воронками от бомб разного калибра на дорогах, рывках полях, сожженных напалмом деревьях, пагоды, оскорбленные дети... Кроме пещер, в которых здесь живут целыми селениями, всего что я увидел в соседнем Вьетнаме. Варварский почерк ВВС США удивляет сразу. Однако общее заключение не только в этом. В Лаосе бесшумность и бесперебойность воздушной войны против целого народа проявляются с не меньшей очевидностью, чем во Вьетнаме.

Зенитчики

Американцы бьют Лаос строго по расписанию в 7,30 утра — начало, в 17,30 — конец. За месяц, который мы, маленькая группа советских журналистов и кинооператоров, провели в освобожденных районах, было всего два или три отклонения от «нормы». Есть свои «нормы» и у зенитчиков Патет-Лао (так называются вооруженные силы Нео Лао Хан Сат): 250 37-миллиметровых или 500 12,5-миллиметровых снарядов на самолет. Не больше. С командиром одного из подразделений зенитчиков Пеннуом мы встретились на наблюдательном пункте, расположенном на вершине горы. По календарю уже давно начался сезон дождей, который ввезет сухой сезон составляет в Лаосе весну, лето, осень и зиму. Солнце, полагаясь об этом, немилосердно распыляет воздух и поросшие джунглями холмы. На небе облака. Пеннуом смотрит на часы и спокойно объявляет:

— Сейчас начнется. Американцы ни на что не упустят такого ясного дня.

Ровно в половине восьмого наблюдаю, что говорит солдат, пригнувшись к телефонной трубе.

Три самолета противника марки «АД-8», возмущая чред бомбардировки находят в трех километрах от нас — полнеет Пеннуом.

Мы не можем скрыть удивления: абсолютно ничего не видно. Повернувшись, а солдаты уже знают и число самолетов, и тип, и возмущают цель.

Тренировка. Американцы тренируют меня каждый день вот уже несколько лет... смеется наблюдатель. У кинооператора сам забывает. Мы ниндзя кадры бол, сбивать самолеты. А с тренировкой в воздухе будет — осторожно спрашивает Пеннуом — Олег Археулов.

Это от нас не зависит. Мы не охотимся за самолетами, а защищаем определенными объектами. Попытки их бомбить с высоты менее двух тысяч метров, будем стрелять. Изначем ни за что не уполнотимся в норму.

Теперь самолеты видны уже невооруженными глазами. Они кружатся на большой высоте, выстраивая-что-то.

— Там пусть летают,— говорит

Пеннуом,— оттуда все равно ничего не видно...

Мы не сомневаемся в справедливости его слов. Далеко на западе наблюдательного пункта все вокруг кажется однородной зоной. Единственной, по которой можно идти к коммунистическим селениям. Иных деревьев на открытой местности здесь нет — все укрылось в пещерах. В пещерах рассредоточены подразделения Патет-Лао. Кроме зенитчиков. Их орудия наводятся и замаскированы на острейших холмах.

Пилоты противника, словно подслушав наш разговор, и прибавляются и опасной чертой. Время от времени от самолетов отходят бомбы, и немного спустя издали доносится приглушенные расстоянием разрывы. Дым от горящего леса и стоящая пыль четко обозначают места попадания. Мы точно знаем, что там ничего нет — только джунгли и рисовые поля. Бомбы образуются в виде углублений — запугать население, помешать нормальной работе на полях, губить скот, сократить неспешно, а пещерах. Цена, которую платят американцы за эту бессмысленную жестокость, достаточно высока. Только подразделение Пеннуом село на один десяток ступенчатых обломков. Обломки на них лежат прямо под нами, у подножия горы...

Деревня в пещере

В очередной пещеру, которую ставит на пару дней наш военинженер, мы всегда, можно. Нас в «глазине» семеро, но считал шифера. Если и этого добавить, то получится больше. Бензином, рюкзак, кино и фотоаппарат, раскаты с пленкой и много других вещей можно понять, что в машине бытывали голодные, тоскующие. Да и дорога, что называется, смерть шифера и пассивными: горы, сплошная грязь. Вода через впадины после дождя ручья. Едем час, другой, третий. Воды много, в горах, в скальных и ливневой водой безнадёжно отстал. А отсутствие делается все более чувствительным. Образуется неслышная пещера. Там, обычно, нас. Он, тихонько нагавая, выходит из машины, снимает, что потопил на землю автомат и быстро карабкается на совершенно гладкий ствол докрасной туманности. Образуется из туманности сыплются огромные орудия. С нападением плывут отсюда новатую индустрию.

Словом, дозорный серпантин. Когда же будет конец этой ругани и поворотам?

— Осталось пять километров,— отвечает на наш немой вопрос шифер. Принадеясь, что привезти к месту час можно будет прилечь, выткнув вперед онемевшие ноги.

Такая мечта об отдыхе прерывает гул самолетов. Машина резко сворачивает влево. Вперед, совсем рядом, слышим взрывы. Когда все стихло, отправляемся на разведку. Метрах в трехстах наткнемся на огромную воронку.

— Прямо в дороге — в сердцах бормочет кинооператор Рубен Петросов.

Действительно, воронка от 500-килограммовой бомбы. По окружности реза пауты: один ее край упирается в скалы другого — сползает. Пройдя, мячца в скором отходе, оставшихся на пути километров придется топать пешком, в горю, по лигниту грязи, с тяжелой нагрузкой за плечами.

Когда попадаем наконец в пещеру, начинает светать. Засыпая как убитый. Выхватить опасность уже нет сил. А она, опасность, озабывается, существует. Сним мы на второй этаж пещеры, а неглубокая, во восточной вышине, слышим взрывы. В том же направлении создается солидный натиск. Заменяющийся аршиш. В том же направлении создается солидный натиск. Заменяющийся аршиш.

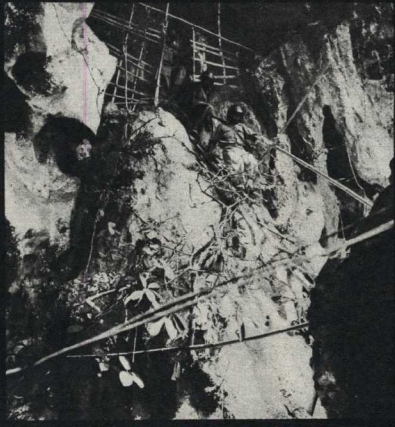
Теперь мы очень скоро убедимся, что в 7,30 утра нас будет ждать. Случившаяся на первый этаж, надеждам нащипавшим голый скелет и во время. Осмокнув рана разрывается в пять метров от места нашего ночлега. Осмокнув скелетом, слышим грохот циновок, на которых мы только что лежали, сдвинулись в сторону для просушки, дощатый пол. Вокруг лежат быт. Быт в агонии: динные буйволы, свиньи, кури. Хорошо, что обожалось без чеповещских жертв.

Среди всего это стоишь на ногах, опустошенный, среди воронок и неразрешившихся бой иди ни. Было бы много бегут рептилия. Горько и больно смотреть на них. Они выросли из пещеры — впадают в это слово — приемыши в бомбежке, ирван, разрушениями...

Пещера, на несколько сот метров

БОМБЯТ ПЕЩЕРЫ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В многоэтажной пещере разведчика вопиющая часть Патет-Лао. По сигналу тревоги бойцы спешат на позицию.

Иван КУПЦОВ

ВЫСЛУШАТЬ И

«Удивительно, как эти картины (хочется сказать: мазня) принимаются за произведения искусства...»

«Помогите нам разобраться в том, что современные художники хотят отобразить в своих произведениях.»

Из писем в редакцию.

Итак, художник написал картину, а зритель, увидев ее, обиделся, душно разволновался и даже отказал ей в праве быть произведением искусства.

На давние вопросы — может ли читатель, не создавший ни одной поэтической строки, критиковать стихотворца и должны ли поэты прислушиваться к таким поучениям — дано много ответов и в научных статьях и в художественных произведениях. — Освистывайте меня, не стеснясь, в ответе вам тем же — заявил Волтер не то что читателям, а собравшим по творчеству.

— Судя, дружок, не выше сапога, — чистосердечно советовал пушкинский художник сподвижнику, услышав от него развернутую критику своей картины.

В свою очередь, не кто иной, как Владимир Маяковский, мудро вступил за трезвый расклад читавшей и смотрящей публики: «Нет дураков, ждущих, что выйдет из уст его, стоять перед «настрадами толпы разный».

В самом деле, неразумно же нам с вами уми-

ляться или плакаться над каждой парой рифм, принимать на веру все то, что опечатано типографскими буквами. И не менее занятная получилась бы картина, когда живописец, не имея собственных убеждений, стал бы исправлять ее по замечаниям всякого встречного.

Искусство тем и прекрасно, что воспитывает в нас человечность. А настоящий человек никогда не сотворит себе из искусства кумира, никогда не станет до самозабвения рабствовать перед ним. Но он же, как и самую жизнь, не сведет искусство лишь к собственному вкусу, тем более к прихоти. И если даже ему что-то не понравится в произведении, он задумается о причинах этого и поразмыслит, не поддаваясь первому впечатлению. Он даст себе отчет в собственной осведомленности, постарается найти убедительные и тактические аргументы. Он будет говорить о деле со знанием дела. Только такой и может быть положительная критика.

Серьезный человек никогда не станет порицать вещь только за то, что она не похожа на другие вещи. Он попытается разобраться в ее сути, в ее устройстве, если смущается ее внешним видом. Но, к сожалению, в диалоге непонявшего зрителя и непонятого поэта чаще всего такого внимательного и профессионального анализа не встречается. Читатель справедливо убежден, что искусство — мир прекрасного — должно доставлять ему радость.

Но он забывает об умении испытывать эту радость.

В настоящем искусстве не меньше различных голосов, чем в поддельном, несовершенном творчестве. Понимать искусство — значит слышать и понимать его полифонию, а не сводить звучание музыки к одному-двум примерам, к стальному одному исполнителю. В искусстве, как и в самом себе, надо улавливать двоящуюся неповторимость, человеческой личности. У Сергея Есенина есть строки: «Соловей поет — ему не больно, у него одна и та же песня. Канарейка с голоса чужого — жалкая, смешная побрякушка. Миру нужно песенное слово петь по-своему, даже как лягушка.»

Кто же вызвал недовольство и обиду читателей, с чьими письмами я познакомился? Каковы их аргументы и пожелания?

Критике подверглись картины Минаса Аветисяна, Джамала Худцивили, работы участников Всесоюзной молодежной выставки, опубликованные в журнале «Смена» за 1967 год.

Чем же они не пришлись по душе некоторым читателям?

«На картинах» кривоногие уроды с квадратными телами и вывихнутыми ногами и руками. «Портрет девушки» изображает девушку, уродливая которой в жизни не встретишься... «Кариссо» — солдат; и у него очень удлинена шея. Наш взгляд можно бы солдата нарисовать более менее адекватно...»

«Абсолют, не понимающий...» — одно из характерных понятий полученных писем. В одних пишется просто: «Может быть, мы чего-то недоуспеваем! Объясните...». Наверное, я в чем-то заблуждаюсь или я не понимаю красоту 20-го века!»

В других письмах «непонимание» приравнивается к истине:

«Остудела живопись последних лет. Я плохой ценитель масляной живописи... уверен, что мое мнение разделяют многие...»

«Все в нашем издании просто возмущены такими художествами, и даже центелем и знаменитым тут быть не надо!»

После сказанного, естественно, следует заключение:

«Удивительно, как эти картины (желает сказать) эта маэстри принимаются за произведения искусства».

Возможно, читатель сразу же ждет от меня статьи искусства Аватиста, Худциши, Еришева, Шапокина и других, на мой взгляд, серьезных, талантливых, искренних художников, обвиненных в неумении рисовать, а «маэстри» и чуть ли не в неадекватности доверенной публики. Но, во-первых, на страницах «Смены» уже публиковались соответствующие статьи, во-вторых, вопрос стоит много шире. Он касается отношения к искусству и понимания его. Я не стану включать все те эстетические мнения, которые высказывались часомало трудами Аристотеля, Гете, Беллинского и многих других замечательных мыслителей. Я попробую лишь обратить внимание авторов писем на ошибки и неувязки в их доказательствах. Ведь, как замечал Маркс, «не только результат исследования, но и вводящий к нему путь должен быть истинным».

И поскольку авторы писем смутили прежде всего внешний вид картин, их несходство с жизнью, отсутствие зеркального совпадения, иллюзорности, то я делаю заключение, что авторы писем считают изобразительным искусством умение писать и красками создавать иллюзорное подобие того, что мы видим вокруг себя. Таким образом, художник должен делать дубликаты натур, документально точные снимки, создавать оптический эффект.

Если считать искусство таковым, то авторы писем совершенно правы в своих претензиях к художникам и могли бы справедливо увеличить список имен и названий картин. А если бы они были последовательными и действительно были бы знакомы с историей изобразительного искусства, то им пришлось бы в черный список занести ее всю почти целиком. Потому что искусство не требует признания его производимый за действительность. Это писал В. И. Ленин в «Философских тетрадях».

— Как же так? — спросит читатель... Что же тогда отображает искусство, как не жизнь? Искусство отображает жизнь в оценке человека. Оно отображает жизнь, исследованную его умом, окрашенную его переживаниями и чувством. Поэтому жизнь предстает в искусстве уже измененной авторским человеком, преобразованной сознанием художника.

Наконец, художник может сконструировать нечто новое, не имеющее никаких прамых аналогов в жизни. Например, конструирует человека, соединяющего черты человека и лошади, черную лягушку, да мало ли еще что.

— Но это ведь сказка!

— А искусство всегда сказка, всегда миф. Ведь даже рисунок портрет конкретного человека, художник что-то открывает в его характере, что-то подчеркивает, и получается нечто новое, еще никогда не бывшее, никогда не существовавшее. В отличие от истории, как заметил еще Аристотель, пот пишет не столько о том, что было, сколько о том, что могло бы быть. Он суммирует факты, обобщает разнообразные явления. Он описывает глубинные пласты жизни, интересные не для одного человека и не для одного дня, а для многих людей, поколений и для долгих времен. Таково ее подлинное, настоящее искусство, на чей пример ни сошлесь: Эжена Делакруа или Карла Брюллова, Шекспира или Булгакова.

Но чтобы обобщить свои мысли и наблюдения, художник прибегает к фантазии. Мир, созданный его воображением, заранее условен. Он условен уже потому, что, создавая образы и чувства, художник само по себе искусственно создан из букв, красок, камня, из звуков и движений, заранее продуманных и музыкантом и художником.

Только научившись понимать язык художественного искусства, можно познать красоту и величие жизни, можно оплотнеть его образы, чувства и мысли. Авторы писем отрицают условность с самого начала, абсолютно. Поэтому-то они и не находят

убедительных аргументов против «непонимания жизни» удививших их картин.

Один из основателей Товарищества передвижных выставок, выдающийся русский живописец Николай Ге, развиваясь об общепринятом суждении посетителей выставок беспристрастно слышны суждения о картинах: хорошо до обмана, можно звать в руки... вместо искусства на выставках показываются одно искусство, задача которого производить до обмана, чтобы доверять, что можно может быть передано до обман! Вещи. И чем базизируются, тем легче она поддается подражанию. Вещественная форма, как мертвая, чрезвычайно доступна, требует действия, но не оставляет в комнате, освещает, и сделать и скопировать до обмана. Эта форма чрезвычайно однообразна и бедна и с этой стороны удобна для изучения. Она живописная для художника, который не понимает искусства, но не имеет истинности, так как будучи перемеленная, мертвая, она доступна самому низкому уровню искусства, превращаясь в ремесло.

Сам Ге, как известно, писал не вещи, а страсти, порывы, чувства, эмоции — внутренний мир человека. И лишь постольку, поскольку эти страсти существуют в мире вещей и предметов, вызывая ими и к ним обращаются, Ге изобразил и деревья, и здания, и людей, и животных, и море, и лес, помещенный им на холст, обсыравая среду и участником действия, прежде всего нас в себе частную обобщения, как воплощением чувств и мысли, которого, впрочем, не было.

А знаменитый русский критик В. В. Стасов, имея в виду натуралистическую, бессмысленную, но виртуозную мист живописца Заринко, с иронией замечал: «Нельзя никак и до сих пор забыть, как один портретист всю жизнь не рисует ни одного мазка, а все время просидел за борками, зюглетами и кисьями, и не только никого не научил, да и сам едва ли не разучился».

Судя по полученным письмам, их авторы действительно не получили ни малейшего представления, глядя на картины некоторых молодых живописцев, продолживших то отношение к искусству, которое было у Ге, Стасова, их друзей-предшественников И. Аватиста, И. Худциши, Е. Еришева, и Шапокина убеждены, что живопись не должна выглядеть живым кустом сирени, но должна быть пассивной зеркальной копией лиц, а поэтому, должна вырвать черту из искусства, и не то, что думает чувствовать сам художник.

И только научившись понимать язык искусства, можно серьезно оценить и достоинство и недостатки в картинах названных мастеров.

Но вряд ли можно быть убедительным для наших авторов писем, приворожить теоретические высказывания и никак еще не развеевая их ложной убежденности в том, что раньше художники ничего не искали и рисовали похуже, хорошо, а теперь рисуют плохо, с искажениями, которые выданы за новое слово в искусстве.

Между тем никто столь смело, с чувством истинного удовольствия не искажал, не ломал, не обобщал натуру, как старые, древние художники. Но именно зрелище и замысел глаз художественно неопытный, не привыкший всматриваться в детали, в систему их организации.

Еще Гете заметил это, наблюдая за современной ему живописью, и замечал, что современные мастера древности: «Независа на всеобщую похвалу достоинства старины, все же, как отдельные люди, так и целые нации, особенно в новейшее время, не понимают, что в чем лучше высшее преимуществу этих произведений. От этого зла нас предохраняет точное их исследование».

Я предлагаю вниманию моих зрелых собеседников принцип вероисповедания: «Смена» стану говорить о произведениях, которые публикуются в массовых изданиях и которые, насколько мне известно, еще пока не вызвали потока критических замечаний или даже того десятка писем, которые поступили в «Смену».

В крупнейшем французском музее Лувре хранится созданная в третьем веке до нашей эры мраморная статуя «Иса Самосрафийская», изображающая крылатую Богиню победы. Время не пощадило прекрасную работу, и сейчас скульптура долла с большими повреждениями. Если следовать тем критическим нормам, которые были высказаны в приведенных нами строках читательских писем, а Г. Нинке, сообщая оговорившись, что «она не имеет ни лет у нее, ни улыбки, ни рук, ни ступней ног. Однако и в таком виде скульптура производит на художественно воспитанный глаз неглядимое впечатление».

Работы молодых художников не является этика читателя потому, что люди и вещи, изображенные в них, совсем не так, как в жизни.

Из этого делается вывод, что молодые художники рисовать не умеют.

«Сразу видно, что человек не знаком ни с анатомией, ни с композицией и не владеет рисунком».

А чтобы такой вывод выглядел убедительнее, взрослые читатели опираются на авторитет детей. «Репродуцирую «Надежда дека» даже ученики 4-го класса раскрасят лучше, да несоответствие и изменение тел мальчиков и деда...» Так точно рисуют дети дошкольного возраста.

А чтобы и по возможности всю критичность положения, в письмах проводится широкие исторические параллели.

«В картинах «Надежда дека» и «Песня» чувствуется оторванность от жизни, и до того в них все нереально, что это наводит на мысль, что в настоящее время, в XX век наш народ так обделен талантом, что деда с внуком и людей не можем нарисовать как следует».

И как критерий истинного искусства называются имена Рафаэля, Сурикова, Тучина, Левитана, искусство XVIII и XIX веков.

«В XIX веке наши великие художники выразили в своих картинах реальность. Эти картины до сих пор являются ценностью. Когда попадаешь в творческую галерею, то забываешь, что ты находишься среди картин, а кажется, что находишься среди живых людей и живой природы. До того эти картины естественны и доходчивы, что любой человек, не понимающий в искусстве, поймет красоту, яркость и характерность каждой картины».

Чуть вытнутые пропорции тела, выразительный силуэт, ритм складок одежды, контрасты света и тени на поверхности скульптуры — все говорит о волнодо и могучем полете, созидательном движении, борьбе стихий, в которой победивает человеческое начало, хотя бы и представленное в облике крылатой богини. И происходит это потому, что художник, создавший скульптуру, думал прежде всего об этом полете, движении, борьбе. Выразно своего чувства он подчинил и пропорции тела, и ритмы складок одежды, и контрасты света и тени. Варьруя их, изменяя в согласии с замыслом, художник достиг максимальной выразительности, создал самостоятельный художественный образ, каждая часть которого взаимосвязана с другими. И поэтому, даже утратив какие-то детали, скульптура сохраняет свою образную суть. Если бы автор изобразил «просто» человеческое тело, задропированное тканью и снабженное крыльями, скульптура Ники в своем нынешнем виде констатировала бы лишь отсутствие головы, рук, ступней ног, но не сообщила бы нам ничего больше.

В «Спасе» Андрея Рублева уцелело именно лицо. Когда мы говорим о древней русской живописи, современнике Дикто, Рафаэля, Микеланджело, то чаще всего представляем себе мысленно именно ее нереальность. К какому бы произведению древней русской живописи в Третьяковской галерее мы ни подошли, в каждом из них мы увидим чрезвычайно условные пейзажи, полюдий и их костюмы. Не менее условны и лица изображенных. Однако сколько в них содержательности, чувства, настроения!

Обратите внимание, как мощно и strongly вырастает из корпуса и плеч шея, как гибко и величаво она «всасывает» голову. Всмотритесь в лицо, и вы увидите, что Рублев совершенно обдуманно, со смыслом изобразил и тонкий, чуть удлинненный нос, и такой маленький рот, и такие характерные стрелки и дужки бровей, ресницы, усы. Благодаря этим и другим средствам художественной выразительности Андрей Рублев создал образ, в котором соединены величайшая мощь вселенной и необычайная тонкость и глубина духовного склада. Понимание, доброта, легкая грусть, спокойная уверенность, принципиальность — вот что несет в себе этот облик, олицетворяющий представление о человеческом идеале.

Если же от всех этих средств художественной выразительности отказаться, нарисовать все черты «строго» по натуре, то и представление об идеале и вообще сам образ исчезнет. Впрочем, строго застывшей, определенной раз и навсегда формы не бывает. Проследите, как зримо меняются пропорции человеческого лица при выражении разных чувств. Вспомните, что вы и сами, активно давно знакомого человека, нередко удивлялись тому, как он изменился под воздействием переживания. Поэтому, свободно оперируя пропорциями и формой фигур, предметов, вещей, художник не совершает, по сути, ничего противозаставного. Он утрирует, обостряет то, что в согласии с ситуацией само уже утрировано и обострено. Конечно же, в подобной деформации, как и во всем, необходимо чувство меры.

И великие художники, мастера прошлого столь тонко эту меру чувствовали и применяли, что их создания, не имея в себе ничего лишнего, при восторженном, несовершенном, воспринимаются обыденным глазом, как и сама природа, в которой нет ничего лишнего и необработанного. На самом же деле художники прошлого всегда изобретали и конструировали стили, манеры, самолично, активно, как и автор «Ники Самофранкинской», как и Андрей Рублев.

В «Портрете неизвестного» Жана Клуа, французского живописца эпохи Возрождения, карандаш удивительно по-разному рисует и головной убор, и волосы, и кожу в разных частях лица. Что-то вырисовывается во всей силе бликов, что-то затухает, растворяется, намечается лишь в основном контуре. Линии то бегут волнистыми полосками, то ложатся друг подле друга изысканными, скорыми штрихами, то исчезают, уступая место тончайшим переходам света и тени. В результате перед нами возникает характер, мир эмоций и чувств, состояние духовной жизни.

В Третьяковской галерее есть «Портрет художника Г. В. Якулова» (1910 г.), созданный одним из крупнейших русских советских живописцев, П. П. Кончаловским. При первом взгляде изображение может показаться резким и примитивным, а рисунок навязчивым и неуловимым. И в самом деле, нет в портрете гладкого, вылизанного, незаметно переходящих друг в друга и создающих впечатление реальной объективности. Нет в портрете и

«НИКА САМОФРАНКИНСКАЯ». III век до н. э.

Андрей Рублев «СПАС». XV вв.

Жан Клуа «ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО». Около 1581 г.

П. П. Кончаловский «ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Г. В. ЯКУЛОВА». 1910 г.

изящного, ласкающего обиденный взгляд рисунка. Образ Якулова и размышления Кончаловского о человеке требовали своих, особых средств выражения. Надо было показать самую бытовую и странную личность художника. Самобытную по темпераменту, восторженно-реакцию восприятию жизни. И странную для прилично-жванного общества буржуа, которому все, не исключая этого художника, казалось бы, было просто выходкой. И Кончаловский, подобно раннему Маяковскому, принимает этот вызов с дерзостью и тем человеческим достоинством, за которым скрывается огромная мощь поэтической натуры.

После этого Кончаловский рисует портрет почти как вывеску, почти как карикатуру, почти как откровенное любовное глумление и вертикальным черточкам фигур, сохраняющим жесткие крикливые лиловым галстуком, нашившимся глазами, прилизанными волосами, ярко-красными губами, синевой подбородка и худыми щеками. Из этик и многих других «пяти» живописец создает плановый ярый, эмпирически содержательный, обостренный образ яркого, эмоционального, дерзкого художника. И каждый элемент портрета — поза, жест рук, выражение лица, старинное оружие в фоне — служит созданию такого образа.

Когда стоишь перед большим произведением настоящего искусства, то постигаешь и его сюжет и мир переживания автора. Но в нас сохранившиеся и неизменные чувства автора выражаются в умилленном, ублаживающем сердце сюжете.

И в живописи мы порой с порога открываем духовный мир художника, не зная его даже только потому, что видимость картины показывается нам далекой от того, что ласкает наш взгляд в реальной жизни. Конечно, было бы странно увидеть наш повседневный мир, населенный героями тех полтораста лет, не поправившись катаясь по таталам. Но ни Аветисян, ни Худцишвили и не стремятся окружить нас на службе, в магазине, в домашней квартире своими ожившими героями. Их героям — особый народ, существующий только на холсте, чтобы вмещать в себя не вещественное, не натуральное, а духовное, мысленное.

Глядя с этих позиций на живопись художника, я вижу, как много чуть хрупкой граничности в мольдах и рисунке Аветисяна, как резко выделен образ проникнутый заботой о порой беззащитной и ломкой красоте чувств. И вместе с этим в соотношении деталей, в цвете есть и величавость, и чистота, и простота красота откровенно, неоновая цвета, без которых тоже нет живописи.

Герои Худцишвили — эти для меня добрые и работающие — превратили отведенный им на холсте мир в простоватого-доверительный крестьянский мир, в мастерскую крамчатого и мудрого сельского кузнеца, в гостеприимный и радужный дом, где любят все сильно, крепкое, огромное и где за утрированно, верно, правдой жестов возникает искренность натуры, которым нет оснований что-либо тить и скрывать.

Но вряд ли это из автор процитированных мною писем таким образом рассматривал классические произведения прошлого. Скорее они образ проникнуты внешности не словеную суть искусства великих живописцев эпохи Возрождения, русских мастеров XVIII—XIX вв., воспринимались ли лишь в плене сюжета. Создать о канвдиз на мадонн Рафаэля или Леонардо да Винчи, что в ней передана тема материнства, — значит еще ничего в них не увидеть, кроме матери и ребенка.

Неумение видеть и различать средства художественной выразительности, применяемые живописцами приводит к тому, что зритель единственным критерием оценки произведения избирает примитивнейшее сравнение «дело обманом».

Сейчас в нашей стране изобразительное искусство, как никогда раньше, имеет культурного и массового зрителя. Зайдите на молодежную выставку на Кузнецком мосту, на каждый вринисся в московском Манеже — услышите столь истинные и справедливые замечания, что в их авторе скорее увидите профессионального искусствоведа, чем студента, рабочего, солдата. И это происходит не оттого, что искусство становится примитивнее, а потому, что все боленнее и боленнее число зрителей учится по-настоящему понимать его, наслаждаться и дорожить им. И именно это умение помогает отличать истинное от подпольного, удавшегося от неслучившегося, а любящее от подражательного. Счастлива художник, имеющий такого зрителя. Счастливы и сам зритель.

на Бие — двадцатилетний Мунтин, футболист, в котором специалисты слышат видение даже суаресского задатки.

«Выступал 10 мая в Газго против Шотландии, наша сборная применила «бетон» и выиграла со счетом 2:0. Нет, я вовсе не утверждаю, что советские футболисты непременно должны были выиграть этот матч. Отнюдь нет. А вот то, что у опытных шотландских асов на протяжении двадцати минут почти не было реальных возможностей взорвать оборону сборной России — это факт, это видели все! «Русские создали глубокую оборону, о которую, как о стену, разбивались атаки шотландцев», — футболисты отвечала Таликс. «Русская защита была превосходной», — Шотландская сборная с самого начала проигрывала матч тактически», — писала «Дейли Вейл». «Футболисты Шотландии не могли противостоять «тактической шахматной игре», предопределенной русскими, они даже не смогли попытаться», — указывала «Дейли Миррор». И обозреватель этой газеты продолжал: «Советские футболисты в течение всего матча действовали со спокойной уверенностью, что они могут подождать, пока шотландцы сделают ошибку, и наказать ее за это». Я мог бы привести еще десятки подобных отзывов, но прежде всего хотелось бы подчеркнуть здесь другое: ни один из английских обозревателей не усомнился в тактике сборной СССР элементов двучленства, никто не укорял наших футболистов в том, что в их игре отсутствовала риск.

Присмотревшись к игре сборной СССР, можно было, между прочим, увидеть, что «бетон» как тактика не так уж прост. Долго было бы объяснить, почему, но, если хотите в двух словах, прежде всего потому, что персональная игра четырех защитников сочетается тут со свободным маневром пятого, являющегося, в сущности, игровым зонта. К тому же еще пятеро должны участвовать в контратаках. В одной из недавних статей Андрей Старостин читает: «Мы нередко на-

блюдаем такую картину: команда атакует, соперник обороняется, застегнувшись на все защитные пуговицы. Вредит у него остается один нападающий, а вокруг него трое сторожей. Там и хочется закричать: «Рубить из защитных линий! Обрывайте дерзание!» Это правильный путь в развитии современного футбола. Зрители любят отчаянные и смелые в бою».

Отбросив пригодность этой терминологии. Футбольный матч, разумеется, не бой, и от защитника, чтобы подорваться и атаке, требуется, конечно, не отвага и смелость, а простаясообразительность. Если вы смотрели трансляцию из Газго, то, может быть, заметили, что, участвуя в атаках и контратаках, наши защитники неизменно собирались по отношению к оставшимся на их половине шотландским форвардам определенную пропорцию: 2:1: 3:2, 4:3 — в каких бы цифрах она ни выражалась, лился в пользу «рейт» из защитных линий» сохранялся всегда. Проще сказать, рейды наших защитников на половину шотландцев вовсе не «кобылись лезвием», а просто были строго предусмотренными дисциплиной игры, ее тактической планом.

Кановы же выводят А. Танови, что опыт сборной, как и опыт классических динамовцев, два сезона игравших с дисплечером, подкашивает: «лучшие «бетон» а идет у нас всегда успешно, но еще недавнее освоение «бразильской системы». И хотя в процесс этот нет-нет да и вмешиваются пренебрежительные учителя, беда невелика. А объявлять публично о перемене позиций в области футбольной тактики и о наличии заблуждений в прошлом в конце концов не обязательно. Словом, тренерам, которые ищут, экспериментируют, спорт, никто уже не мешает».

В начале статьи я привожу уже высказывание тренера сборной ФРГ Гельмута Шенца о том, что главным фактором футбольной игры является сегодня импровизация. Что ж, с этим трудно спорить. Но Шенц убежден, что фактор этот останется решающим и в будущем. С ним солидарен Нико-

лай Старостин. «Если говорить откровенно, — пишет он, — в душе я не одобряю решающего значения «скамеек». Мало того, Николай Старостин ругается даже, что команда, состоящая из пяти Федотовых и пяти таных же, как Федотов, игровых защиты, наверняка обыграла бы любую нашу команду, маной бы тактики последняя ни придумывалась и по какой бы схеме ни играла Федотовы».

Впрочем, делая это заявление, Николай Старостин понимал, наверное, что, в сущности, он ничем не рискует. Попробуйте, до-первых, найти десять Федотовых! Поэтому не лучше ли, минуя усложнения, обратиться к мимой, современной практике? Например, к сегодняшней игре московской команды «Спартак». Известно, что самая популярная команда столицы переживает в последние годы кризис. Но отчего нет? Разве девиз ее игры не прежний — «атака, риск, напор, скорость, импровизация»?

Любопытно, как сложится она, как пойдет дальше. И каково станет футбол в ближайшие годы. Мы-то с вами хотим, конечно, чтобы он был красивым. Умным, благородным, тонким, изящным. И порою нас с вами удивит (по преимуществу в годовых отчетах Федерации), что дело обстоит именно так. И что имеющиеся, мол, отдельные недостатки скорости будут тут устранены. Не знаю, что в данном случае думаете вы, но вот такой футбол не склонен разделять этого оптимизма. Ему после лондонского чемпионата думается о другом. О том, что мировая футбол переживает кризис. И что высшее спортивное искусство свененется в нем сильнее, бесшабашно напористое, грубоватое, бербобое. Той самой, которую именуют подчас «тактикой роботов».

Начался этот процесс — нарцативный, взвинчивания атлетических качеств футболистов — где-то на рубеже сороковых и пятидесятых годов. Начался исподволь. Но уже вскоре его

можно было уловить сменному ному, пущенному с горы. В результате суперлативы в футбол появились все больше и больше, «объем работы» на площадках они производили действительно огромные, но яростно игры стала исчезать. Так импровизация, методка по самой сути должная была, изалась, способствовать расширению своеобразия игроков, парадоксальным образом способствовала подавлению их индивидуальности. Началась, по выражению известного английского обозревателя Брайана Гленвилла, «эпоха универсализации, стремим под гребенку и отбава от самобытности ради стандарта».

«Футбол не зрелище благое», — писал погибший на войне поэт Николай Отрада. Примечательно, что он писал это, когда футбол не ведал еще всего того, о чем так часто пишут и говорят теперь.

Перед войной, когда молодой поэт Николай Отрада писал свои стихи о футболе, трибуны стадионов часто были полны, а сама игра — веселая, самобытная и порою очень красивая. И все-таки взгляд поэта проливал уже в ней во что-то тревожное, и футбол запоемал ему о многом другом. О чем же? Что писал:

Я входил в нем маленькое сходство с тем в жизни человеческой, когда идет борьба прекрасного и мыслящего злоду — с уродством

и с сумасбродством. Борьба меня волнует как всегда. Она живет настойчиво и грубо в полете птиц, в журчаньи ручья, определяя, как игра на кубок, где никогда не может быть ничья.

И хоть в матчах чемпионов нынешние результаты фиксируются, борьба двух взглядов, двух концепций, двух стратегий футбола неочичтись ничьей не может.

Фото А. БОЧНИНА

Владимир КУНИН

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЛИЧЕНА

РАССКАЗ

Рисунг В. ЮДИНА

Мы недавно новую квартиру получили. Такая очень миленькая квартира. На месте нашего старого дома решили сделать пададь, и нас всех переселили к черту на кулички. Дали двухкомнатную.

Папа ходил к каким-то жвачничанькам, хотел попросить трехкомнатную. Но, нас четверо и все взрослые. А вдруг, дескать, сын (это я) женится? Или дочь (это Вика, моя сестра) замуж выйдет?

Но, честно говоря, получение двухкомнатной квартиры тоже было равносильно пададью. При нашем умении просить нас должны были переселить в однушничью валакту. Это сказала тетя Вера. Сестра папы.

Счастие, что Вика не было дома. Мы не очень-то приветствуем скенпис по отношению к нашим родителям. В нас скенпис это скенпис достаточно. Семья папы образовано-показательная. По таким семьям должны рыдать начинающие журналисты. Папа работает старшим инженером в одном НИИ, мама — врач «неотложки», Вика в прошлом году завалила вступительные на мехмат и теперь за пятацкисе пять ро добивает рабочий стаж в папшином институте. А в чаше бюро фифафа. Представляете себе? Полная бесконфликтность и дедараматизация, которая изредка нарушается приходом тети Веры или какими-нибудь шпакетками Вики.

Мы уже целый месяц с Вихукой увеселяе зарядки танцующе твист. Папа и мама не танцуют. Папа морщится, а мама считает, что мы можем сделать все что угодно, лишь бы была сытость и здоровья. У нас мама вообще дупсеха.

Вика откуда-то приватицала две «шпатовские» пластинки, и теперь у нас по утрам гремат такой твистера, что просто можно сойти с ума.

Вихука надевает мою старую баскетбольную майку с номером на спине, сует ноги в тапочки и прямо в коротких пиджачных шортах начинает танцевать твист. Танцует она здорово. И я танцую, но хуже. Я, наверное, танцевать серьезно это дело, а Вихука может одновременно танцевать как зверь да еще и гримасить без переделушки. У нее действительно сумасшедшая техника твиста! И думкино, как у марфиню.

И вообще в то день было прекрасное воскресное утро. Накануне, еще в пятницу, мы договорились с тетей Верой поехать за город к каким-то еще знакомым. А с утра мы твичечили твист.

Вихука танцует и треплется, треплется... А про что она треплется, я никак в тоях не могу: спать хочется. Но мужественно плышу. Попластинки пропала и только тогда стал понимать, о чем она болтает.

— ...А она на меня смотрит и смотрит... Причем этот парень — блеск, смех Жана Маро с этим... Ну, как его?.. Ну, который «Мичман Паппин», «Дело было в Пенькове»...

— Тихонов! — догадался я.

— Точню! Я, конечно, делаю вид, что мне все это до амлопки, а он за мной. Я уж нарочно раза три в магазин заскинула. Покручусь, покручусь и выйду... Стоит, тупеет, ждет. Димка, переноси все больше на левую ногу и не крути так задом! Это неестественно...

— Попробуй потвистув в маминих шпалачах, — сказала я. — Также мне эстетка! Дальше можно не рассказывать, я все знаю: он подошел к тебе, и твоя маленькая ладош оказалась в его больших и сильных руках...

— Фиг вам... — презрительно сказала Вика и показала мне потрясающий поворот с наклоном назад.

— Как?! — завопила я. — Этот твистика даже не заговорила с тобой? О несчастная сестра моя!

— Заговорила, заговорила... Успокойся. Заговорила, и даже очень много. Знаешь, таким дрожжам от волнения голосом...

— Ну?

— Девка мамин шпалачев саета с моей ноги и исчез под тахтой. Пришлось лезть доставать.

— Что, ну?! — ответила Вика. — Я взяла себя в руки и так спокойно, спокойно говорю ледяным тоном: «Я на улице не знакомаясь». Ну, думаю, сейчас вывчит крутить, что от меня уже где-то видел или еще что-нибудь... Нет, смотрю, покраснела, извинилась и отошла.

Я вылез из-под тахты, но танцевать мне чего-то расхотелось.

— Мама, — сказала я. — Все-таки ты фантастическая дуреха... И откуда в тебе это?

Но тут открылась дверь, и к нам в комнату вошла папа. Он только что вернулся из магазина, и в руках у него была хозяйственная сумка с молоком, хлебом и помидорами. Папа молча подошла к проигрывателю и снова адитер с пластинки. И Вика перестала крутить твист.

— С минуты на минуту должна прийти тетя Вера, — сказала папа, — а вы, неуемкые, отпачкисаете в непотребном виде. Марш в ванную!

И я направился к двери.

— Да, Димка! А почему Вика «дуреха», да еще и «фантастическая»? — спросила папа.

Я лопала плечами. Не буду же я все объяснять папе. А Вика тут же засуетилась:

— Ох, папуля, я сама ничего не понимаю! А вы рассказали, как ко мне вчера на улице пристао один парень и я его отпнула.

— Приста?! — возмутился я. И мне так захотелось ей врезать! Так захотелось! И как назло вошла мама.

— Ну, не приста... Попроси разрешения познакомиться, а я ему сказала, что я на улице не знакомаясь. Вот и все!

— Умница! — гордо улыбулась мама. — И совершенно правильно...

Я даже улыбулась от злости.

— И ты, Бру! К ней подошла симпатичный парнишка и дрожжамин голосом... Ты повернулась к Вике... Ты же сама говорила, что ты не дрожжала! — Теперь я шагнул к маме... И я попросила, слышишь, попросила разрешения с ней познакомиться! А что она ему ответила!

Мама улыбулась мне, как цыганскому, сказавшему веселую глупость, и поцеловала меня в щеку. Я выпрассал.

— Димочка! — сказала мама. — Я не понимаю, почему ты киштинис! Вихуке же права. Знакомится на улицах неприлично!

— Что за чушь! — улыбуясь папа. — Какая разница, где это происходит? Вы обе что тут путаете...

— Папа! — тупею улыбуясь Вика. (Так бы и треснул ее!) Ты случайно сохранила в себе комсомольские взгляды двадцатых годов.

— В двадцатых я была пионером! — рыкнула папа, и я увидел, что он обиделся.

— Ну, тридцать... — с великодушным победителем уступила Вика.
— Не уходи же так бурно, — в нет.
— Мальчик! — испуганно крикнула мама. — Вы забываете, что существует девичья гордость! Наконец, чувство собственного достоинства!..

Это я уже не могу вынести!
— Мама! — зыркнула я. — Милая, уменя мама! О чем ты говоришь? При чем тут такие неслыханные качества? Фраза «Я на улице не знакомая», я гораздо ближе к элементарному отсутствию вежливости! Ей этот пареня самой понравился!

Я подскокн к Вике и схватил ее за майку.
— Говори, понравилась тебе или нет.
— Димка! Отпусти ее немедленно! — крикнула мама.
— Говори! — И я тряхнула Викау так, что майка на ней затрещала.
— Ну, понравилась... Отпусти, дурак.
— А тебе самой хотелось с ним познакомиться? — спросил папа.
Вика промолчала.
— Ну, что же ты? — тряхнула я ее опять. — Говори!
— Ну, хотелось... Отпусти, говори!

И я ее отпустил. А она тут же заревела:
— Но не на улице же! Если бы меня кто-нибудь с ним познакомил, в компании, или на вечере, или уж на худой конец на танцах...
— Мне даже плахоту захотелось. Ну, дура расет набалт!

— Правильно! — сказала я. — В компании, на вечер и на танцах бывает только приличные люди, а по улице ходит сплошные полонки! Помнишь в Новый год компания знакомилась? Мама ела была от него без ума... А мне потом пришлось ему морду бит!

— Перебьтывать мучить девочку, — сказала мама. — Вика, иди домой.
— Но вы папа уже много знакомил.

— Спасибо, — подомыслала папа. — Хотела бы сообщить тебе, что процент смолочен не так уж велик. Уверено тебе. И из-за этого ничтожного процента неаказ относиться с недоверием к каждому...
— Молодец, папуля! — сказала я.

— Спасибо, — подомыслала папа. — Постоянная подозрительность приводит черт знает к чему! Мы знаем массу примеров...
— Мама округлила глаза и в упор посмотрела на папу. Так она делала всегда, когда считала, что разговор взрослых не для детских ушей.

— Воадя! — деревянным голосом прозвучала мама. — Ты преувеличиваешь масштабы событий...
— Успокойся, мама, — небрежно сказала Вика. — Я отлично понимаю, почему Димка и папа кооперировались. Потерпевшая сторона кто? Мужчины. И естественно, что представители сильного пола грубую встан на защиту своих мужских интересов.

— Дичотка! — спокойно сказала папа.
— Но мне этого было мало.
— Мама! — умоляюще закричала я. — Можно, я ей дам по шее?

И тут раздался звонок.
— Спасибо мой! — Мама всплеснула руками и бросилась к дверям. — Это Вера! Димка, не смей трогать Викау!

— Папа, — сказала я в отчаянии. — Твоя дефективная дочь ничего не понимает...
И тогда Вика вскочила на такту и торжественно заревела:

— Поняла! Сдохнуть мне на этом месте, поняла! Просто тебе, прогессивный братец, наверное, один раз отпихи именно таким образом, вот ты и востал! Я знаю, ты сейчас откажешься...
— Нет, нет, нет... — тут же согласился я. — Не откажусь. Отпихи. Именно таким образом. И...

— Пожалуйста! — Вика раскандала.
— Пожалуйста, пожалуйста, — уже совсем спокойно сказала я ей. — Только я никогда не считала себя потерпевшей стороной. Потерпевшая сторона — это вы, неслоготорые девочки, которые выработали для себя свой маленький, неуемный свод законов...

Я чувствовала, что говорю хорошо, убедительно и обалдюще. Ах, если бы меня сейчас слышала Ира!.. Есть у нас такая Ира на курсе.
— Но а это время в компоту вошла мама и тетя Вера.

И я ничего не понимаю, — сказала тетя Вера. — Мы едем за город или не едем? Здравствуйте! Вика! Ты собралась ехать в таком виде! Димка, не забудь надеть что-нибудь на ноги!.. Воадя, что с тобой! Опять ленишь?

— Нет, все в порядке, — сразу сказала папа. — Извини нас, пожалуйста, за развал...
— Тетя Вера закурила сигарету и плотно усеелся в кресло.

— Я люблю эти италегантские штучки! — сказала она... — Эти невидимые мурлы слызи! Эти яростные поуги для сохранения внешнего приличия. Не дай бог вынести сор из куполодной избы! Чтбы, упали господь, никто не узнал, что в доме с утра уже решенные проблемы «можно знакомиться на улице или нет?»

— Вера, я же тебя просила... — робко заметила мама.
— Я сдерживалась столько, столько могла, — сказала тетя Вера. — Димка, дай пашау!

Я подала тебе пашау и спросила:
— На чьей же стороне вы соберетесь воевать?

— А кто что зашипит? — деловито огаделла всех тетя Вера. — В коридоре я очень правды...
— Мы с папой считаем, что нужно верить людям и знакомиться можно, — пояснила я.

— Мы с мамой не против доверия, но считаем, что на улице знакомиться несправедливо, — сказала Вика.

Тетя Вера глубоко затакнулась, посмотрела на потолок и наконец веско проговорила:
— Я за позицию мужчин с частными коррективами.

— Умею легче, — вздохнула папа.
— Берется коррективами, — сказала я папе.
— А что за коррективами? — спросила папа.

— Верить нельзя, но знакомиться можно, — ответила тетя Вера. — Не сколько дней тому назад дочка моей сослуживцы познакомилась на улице с одним, кстати, совершенно невзрачным парнишкой, а он оказался нутом академиком! И, между прочим, он уже долет предложение...

— Чуднейший примерчик! — сказала Вика и стрепенула с такти.
— Не прощайся, — заметила мама.
— Между прочим, это реальная действительность, — заявила тетя Вера. — И отмазываются от нее только одни деисты. То есть, я хотела сказать, идеальство...

— Не перессориться действительность, — грустно покачал головой папа. — Я бы даже сказала, — пошлотава.

Но тут заблещилась мама!
— Послушайте вы, теоретик! Кто-нибудь мне скажет, как быть с девичьей гордостью?

— Димка, представь твистом перед тетей и презрительно раскандала.
— Мама! Как ты не понимаешь, что Димке достаточно признать это качество неоспоримым и тут же забыть о его существовании! Им, гагарам, неостудно...

— Нет, уж повольте! — закричала я. — Это вам, гагарам, неостудно...
— Оставьте в покое итину, — сказала тетя Вера и стрепенула пошла рядом с пашауницей.

— Нет, братцы, — сказала я. — Это позор! За последние время Викау дико обмелчала: читать она не хочет, работать ей тошно, а вчерта у нас была Рериха, говорила о Рерихе, и выяснилось, что Викау о нем понятия не имеет...

— Кстати, ничего страшного! — прервала меня тетя Вера. — Я Рериха тоже не читала и, слава богу, прождала достаточно интересную жизнь...
— Елки-палки! — свистнула я за голму. — Слов нет!

— Прерсисто! — сказала тетя Вера. — Слад и мочичи...
— Как быть с девичьей гордостью? — с мрачной настойчивостью спросила мама.

— Иметь, — ответила ей папа. — Иметь. Но не подменять гордость вульгарным меланхолическим чванством. Нельзя в каждом видеть потенциального полдана...

Тетя Вера вскочила и замахаала руками:
— А я что говорю! Знакомьтесь, ради бога! Но пока ты не усадишь «Свадебный марш» Менделеевым во двореце бракосочетания, никому не верить. Бульварно три дня тому назад я читала в «Вечерке»...

— Вера! — крикнула папа.
— Молчу, молчу...

И тут мне в голму пришла гонимая мысль! Все-таки фифак нам много дает. Если я бросилась к изнекому столбу, порвала я вычуденно тоненький томик в картонном переплете...

— Подождите, подождите... Сейчас, сейчас... Я аккордочно стала читать томик. — Вот Hашел!.. Слышайте! Может быть, вас это убедит:

*Первый встрелся, если ты, прождет, захочешь
заговорить со мною,
почему бы тебе не заговорить со мною,
почему бы и мне не начать
разговора с тобою? —*

Я захохотнула своим и спросила, презирая всех, кроме папы: — Ну, что! Поютя вам?

— Кто паша? — спросила практичная тетя Вера.
— Уолт Уитмен — вымышленный поет Америки!

Но папа Викау решила показать, что она тоже сильный боец. Она опять округлила перед, тетей твст и выхлало заявила:

— Странная штука! И ты, и папа, и Уитмен считаете, что я должна бростись в объятия первого встречного...

— Ни я, ни Димка, ни Уитмен тебе не считаем, — оборвал ее папа. — Мы все убеждены в обратном.

Я поставила томик на место и сказала Вике:
— Кстати, да прости меня женщины, самые распущенные девичья поначалу разговаривать тоже как прирещиса крови...

— Откуда тебе это известно? — подозрительно посмотрела на меня мама.
— Уж, наверное, не из классической литературы, — вставила тетя Вера.
— Спасибо, братец, — сказала Вика, и я нарду увидел, что она вполне может заляпать...

— Да же не про тебя, дура! — испугался я.
— Еше не хваает! — крикнула мама.

И тут выступила папа:
— Женьшица, мои дорогие! Мне очень неприятно, что вы зачисляли нас с Димкой в какой-то противоположный лагерь. Мы за вас, Вера, Димка?

— А то за кого жей? — сказала я, и мне сразу захотелось поглядеть Викау. Сестра ведь...
Тетя Вера опять плахотулась в кресло и жалобно спросила:

— Почему выкороче вставать кому бы одно слово?
— Ну, вставь, — устало согласилась мама.
Тетя Вера оживилась и закурила.

— Истия и вспоминаю одну очень интересную историю...
— Мету себе представлять, — сказала Вика.
— Нет, — улыбнулась тетя Вера.

— Что энеть?
— Не можешь.
— Хэй! — сказала Вика.

Викой Прекрасной сейчас жей! — строго сказала папа.
— Викау, — асково сказала тетя Вера. — У тебя очень странные представления о правилах приличия: знакомиться на улице нельзя, а хамить тебе можно... Так вот. В сорок твистом году один мальчик, лет двадцати, вылез из госсели и уехал тогда к единственному близкому для него человеку — своей сестре. И по дороге, на улице, он случайно познакомился с одной студенткой-медикой. И никто их друг другу не представлял, и дворцами бракосочетания не пахло... И что мы имеем на сегодняшний день?

— Тетя Вера встала и торжественно показала на нас с Викау: — Мы имеем двух италообразных супругов, которые спорят, можно ли знакомиться на улице или нет! Не спорьте. Я вам отвечу: если от знакомства на улице потом появляются такие дети, как вы, — знакомиться не имеет никакого смысла! И вообще, мы едем за город или не едем?

И мы поехали за город.

ПЯТЬ ПОСЛОВИЦ О ПЕСНЕ

ЗАМЕТКИ
О I МЕЖДУНАРОДНОМ
ФЕСТИВАЛЕ
МОЛОДЕЖНОЙ ПЕСНИ

«ПЛОХОЮ ПЕСНЮ МОЖЕШЬ ПЕТЬ, КАК КОЧЕВЬ»

(Датская пословица)

Надпись из исполнителей фестиваля своей песней пытался подтвердить то, что он умеет доказывать словами без музыки и в бесконечных дискуссиях, которые происходили и в столовой, и на пляже, и в автобусах, доставлявших участников фестиваля из молодежного лагеря «Слутение» в здание соничского театра. Происходившее в кулуарах фестиваля для музыкантов, певцов, композиторов и поэтов было иногда в какой-то мере гораздо интереснее звучащего со сцены.

Одни доказывали, что песня может называться молодежной только в том случае, если она поется с косяком, легко запоминается и сразу же «идет в люди». Другие утверждали, что это условие не обязательное. Есть песни, исполнение которых под силу только профессиональным певцам, однако это не умаляет их достоинства, и их любят молодежь.

Компромисс был достигнут признанием того факта, что современные песни можно грубо разделить на две группы. Песни, которые сразу же запоминаются, и ты поешь их сам. И песни, которые слушаются, и ты в лучшем случае поешь их вместе с певцом.

Здесь проблема что петь-переходит в другую проблему — «как петь».

Все участники в один голос жаловались на недостаточное внимание музыкальных институтов и профессиональной подготовке молодых эстрадных певцов. Им зачастую приходится тратить массу времени на открытие уже давно открытых истин вместо того, чтобы творить новое. Поэтому там мало самобытных, ярких исполнителей.

Что будет учить молодых эстрадных певцов петь? Этот вопрос тревожил представителей и Польши, и Венгрии, и Советского Союза. Нужны новые формы подготовки, творческие мастерские, в том числе и там, где международные фестивали.

И еще на одном сошлись все исполнители: только плохую песню можно петь, как кощесь, а чудные песни, которые поет наша молодежь, требуют и прекрасного исполнения.

«ХОРОШАЯ ПЕСНЯ НЕ СТАНОВИТСЯ КУЖЕ ОТ ТОГО, ЧТО СПЕШЬ ЕЕ ДВАЖДЫ»

(Итальянская пословица)

Первой доказала справедливость этой пословицы польская певица Хелена Маланец. Это было в репетиционном полувзроре, но

да огромный зал театра был непрерывно пуст. И только десяток журналистов да администраторы фестиваля слушали черномовую работу певцы и оркестра. Скорее по необходимости, чем по желанию. Когда зазвучала первая музыкальная строка известной всем «Песни о капитане», сонлитическая улыбка мелькнула на лицах моего соседа. «Боже, какое старье». Через пять минут он взял свои слова обратно. На наших глазах родилась новая песня. Напуган, а представлении Хелены Маланец — веселый, чудесный романтик, как бы еще молодой. Он стал еще ближе моему слушателю, в какой-то мере оказался его сверстником, несмотря на различия в возрасте.

Фестиваль подчеркнул, что не только новую песню надо исполнять по-новому. Любая песня подавляющая творческому воздействию певца. Лишь бы в исполнении песни всегда ощущался, пронизывался мир молодой человека. И это будет верной гарантией успеха.

«ВСЕ ПРИХОДИТ К ПЕСНЕ»

(Французская пословица)

Как хотелось бы создать песню, чтобы после исполнения на фестивале ее услышали все люди? Чтобы песня была, как вода, и по какой-то части большой и настоящей песне, а не по порядковому номеру вперед

отличались фестивали друг от друга, — так сформулировал свое самое большое желание немецкий композитор Клаус Шнейдер. И этим выразил общую точку зрения. Соничский фестиваль, и самодвижение, не дал такой песни. А она была очень и очень нужна. Она могла бы стать тем оскалом, которым бы опробовались справедливые, четкие суждения о столь обтекаемой поэтике, как молодежная песня.

Что это такое — молодежная песня? Хорошую песню поют все. И хорошая песня приходит все. Не задумываясь о том, для какой возрастной группы она предназначена своим создателем. Разве имеет такое грандиозное имя Александр Пахмутовой «Наннито», песня Александра Колкера «Зависть» или песня о том, о красной розе, которую исполнил Гавриил Исаев на Гарманской Демонстрационной Ресублики? Разве образ из этой песни —

Была эта роза, как кровь,
И смерти беднее была
Их любовь... —

имеет какой-то возрастной чистоты возмездия? Смысл молодежной песни в том, чтобы побуждать людей идти вместе. Пусть говорят в данном случае уже устами Сайласа, пусть говорят — вонзальные ансамбли, помеще под гитару. Возможно, что скоро пройдет и эта мода. Но дух массовости,

который присущ молодежной песне, останется всегда. И эти она будет выделяться из сотен, может быть, столь же хороших и даже лучших песен.

«КАЖДАЯ ХОРОШАЯ ПЕСНЯ НАСТРОЕНА НА СТАРЫЙ МОТИВ»

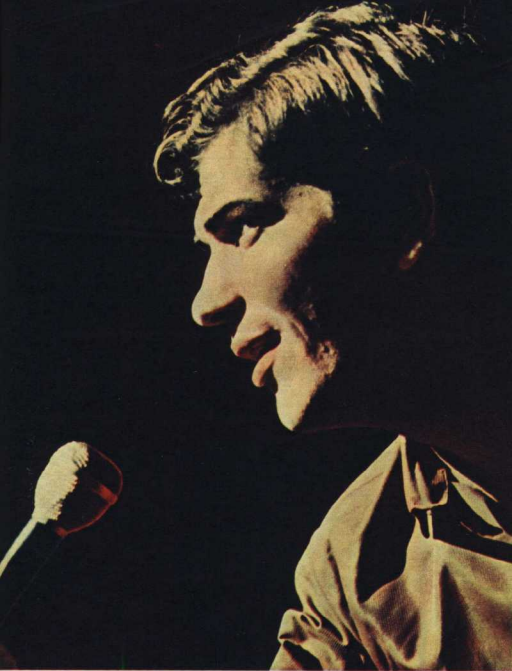
(Испанская пословица)

Взаимоотношения певца, с одной стороны, и создателя песни — композитора и поэта — с другой, не могут строиться на основах потребительской логики: что бы ни дали — все споем. Молодые певцы ведут упорную борьбу за свой репертуар. Им труднее, чем знаменитостям, сами имена которых страшно порой даже неучаствовать песни от провала.

Но известный певец слишком прочно стоит на берегах собственной славы, больших успехов, чтобы революционно экспериментировать. Молодому певцу терять нечего, потому своей безвестности. Изалось бы, чего просит: натрениру на современную волеу — и Угес тебе обеспечит!

Но что такое модерн в песне? О нем было сказано немало и горьких слов. «Модерн инварирует песни, как современная архитектура инварирует заборы» — они так похожи друг на друга, — с горечью признала Александра Пахмутова. И, развивая мысль Пахму-

Победители I Международного фестиваля молодежной песни — болгарская певица Вера Каравочева и советский певец Николай Королев.

Румынка
Дойна Бада.

Поляк
Яцек Лех.

Венгерка
Клементина Магай.

товой, чехословацкий певец Карел Влага добился: — Важно, чтобы в молодой современной песне прирасло современное и страстное исполнение, и современные ритмы, и политическая направленность, и национальные особенности... О таких произведениях мечтаю и как исполнитель.

Конечно, это очень большие требования к песне, но тем не менее вполне справедливые.

Такой взгляд характерен не только для мышления молодых создателей песен и исполнителей, но и в какой-то степени определяет их творческую манеру. Она особо ощутима на международных форумах, поурочных сочинском. Когда в исполнении каждым певцом даже знакомой, уже услышавшей песни заметна истинная национальная самобытность.

«ТЕМНЫЕ УГЛЫ ОСВЕЩАЮТСЯ ПЕСНЕЙ»

(Латинская пословица)

Молодежную песню, как никакую другую, прежде всего должен отличать хороший текст. В это понятие «хороший» вкладывается многое. Он должен быть поэтичен, злободневен, прост, доходчив. И сомаленно, большинство песен, исполнявшихся на фестивале, страдало именно слабостью текстов. Только, пожалуй, в песне «Зависть» композитор

уже слишком явно повел за поэтом К. Рыловым, который, по общему признанию, создал наиболее сильные тексты из всех звучащих песен.

Итак, новая черта, присущая молодежной песне. Это не только та песня, которую поет молодежь, но которая волнует в первую очередь молодежь. Помогает решить ей ее специфические проблемы. Помогает познать большой мир. И находить светлую дорогу среди мятного лабиринта с многочисленными темными углами.

Наше время характеризует обостренное внимание молодежи ко всем человеческим проблемам. Поэтому она так охотно поет песни политические. И, пусть это не прозвучит парадоксально, тановыми зачастую приходится призывать все: от маршевых песен до лирических.

Песня дает нам бы кинт-эссенцию мысли, а зачастую и идеала. Далеко не каждому молодому уму под силу проанализировать и впитать в себе многочисленные идеи большой, хорошей, настоящей книги. А песня, как порция глюкозы, усваивается полностью и быстро. В этом сила молодежной песни; в этом кроются корни ее еще многих проблем, решить эти проблемы должны помочь последующие фестивали молодежной песни, которые отныне станут традиционными.

Геннадий Кругляков принес свои первые стихи Леониду Николаевичу Мартынову. Разговор с любимым поэтом стал для Геннадия решающим. Он заглянул в пособный журнал школьного тетрадки и в белое время наком, кроме своего учителя, не показывая ни строки. Надо было овладеть сначала главным искусством — искусством открывать жизнь, жизнь, наполненную трудом, радостью, раздумьем. Геннадий стал геологом. Но ископаемые сотни километров тайли следы в его стихи на страницах путесового блокнота. Весть на первый взгляд все, что он пишет, — стихи человека осведомо.

И вот настала такая пора, когда Леонид Николаевич сказал ему: «Пора, знаешь ли, вы уже напиши, как и что сказать людям». Учитель не пасад предостережения к его стишкам, не зная в редакции. Чутьем мастера он предопределил успех своего питомца.

Геннадий КРУГЛЯКОВ

Заповедник

Пролетают олени свободно и тихо,
Как представители вышерших наств,
Качаются сполоху луноногого ласта.
В продолговатых амидальных глазах
Зеленые травы, кустистые рошч,
Дубок, что коленом приник к валуну.
Пролетают олени и горные лосы,
Но ведаз страха, в почетном плену.

Я поиню, средя гама, в прохладе
Зеленой
Две разных дорог дхт разных свемл,
И твет далекий мой олеником
За листиком толстее губы свок.
Он ходит за мною, преданный, глушый,
И я не поспею, не прогнею.
Он твет сво гворящие губы
На руку, на щеку, на шею мою.
...Ты ночью, дика, озвощенная, пуглива,
Боялась одна оставаться в дему.
По казахстискому развешенному глннам
За мною ты шла в непроглядную тьму.
А дома повзвеша грубый передник,
На кухне немом застучишь у стопля...

Но все-таки милойшей заповедник
Создать ты, конечно, никак не могла.
За тихой оградой ходят олени,
Но видя трагедий, но зная логону,
Не падра загнуто на колени
Высокими лбам в ностер на огонь.
Нахлынет на сердце пышечный прибор,
И воздух озавет мяки ледяной,
И лес отдаленный навстречу идет.
Над лесом зеленый гудит вертолет.
А я изучаю в природе азы —
Прозрачные крылья степной стравожи,
И голос колосека, и сырость осени,
И шпыл аптексарской порошюк,
Все ветки для птиц, колыха — росе,
И лес проглотил, словно шюпья — россе.
И до-то у башей упрямости как
Дорога метнулась, свободу храни.

Аудиторий пуста.
Зато в лесу, как наводнение,
Идут другие поколения
В родные, старые места.
Идут в Бородину и в Брест,
Идут в Михайловское, лешы,
И в партизанский плавань лес,
Где пупы щепкал орешком.
На плитках надпись
...разобрать,
Погладить камень, лезом
покрытый,
И на могила поэзбитой
Принять наследие добра.
Учите нас, вороном, стог,
Учите памяти столетней,
Мы перед вами, точно дети,
Да будет все ученье впрок.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Свнсают несельные гроздь-я,
И домик, наивершиль покой,
С крыльцом, приглашающим в гости,
Обит виноградной лозой.
Веселое чье-то создание
Нарушит подпольный покой,
А домик, ушедший от здания,
Обит виноградной лозой.
Такое в них юное соседство,
И так гармоничны они,
Что даже не видно
уродства
Облещей и старой степы.

Спасибо земле, что умеет
Давать полновесно плоды,—
Вернее, рукав отрубилым
За их вековые труды.
И солнцу спасибо, что рано
Оно поднимает людей,
И тучам, с крутинками граде
Несущим напыль дождя,
И листьям, что так спозаранку
Кому-то все мануэт вослед,
Реке — серебрянчик
беглянке,
Иль тем, кого больше здесь
нет.

Так заповедный свет звезды
Доходит до меня,
Движенья мельчайших
косп

Вдруп позбаво я.
Средя разтосянных телет
Теребит кошу овеи,
И небо обаче для всех
Лемжит в накарлах звезд,
Чула ли косит племяна,
Или ндет война,
А в небо зтога, старина,
Все та же тышина.
Отвечая ли слышен крик,
Или звопбнен старик,
Но в звездном небе не
возник

Спасенья белый лик.
Старик умрет,
Звезда уйдет,
Желодный небосвод
Ночным философод ольта
На змлю упадет.
И сильною хочешь
...в небо пой,
И сколько хочешь плачь,
Пройдет зверье на водепой,
Улетит на ветне г.
Воздет луна

Знает путь средя звездных троп
И кишет горсть монет,
И я зашкчу в ладонях лоб —
Мой путь за тыщи лет.

Найдите десять различий между этими рисунками.
Рисунки В. БЛАНКИНА

ЛАУРЕАТЫ ЮБИЛЕЙНОЙ ОЛИМПИАДЫ

Десятая юбилейная шахматная олимпиада «Смены» вызвала большой интерес читателей журнала и она закончилась более массовой, нежели любая из девяти предыдущих наших олимпиад. Вместе с участниками турниров в нынешней олимпиаде выступило около 22 тысяч любителей шахмат из различных районов Советского Союза и ряда социалистических стран.

Наша эволюция соревнования явилась поистине многовековым шахматным «марафоном»: старт был дан в январе (в № 2 «Смены»), а ответы на призы, заключительный тур были отправлены в редакцию октября. Олимпиада состояла из шестнадцати раундов: проведения турниров, комментирования партий, решения задач, шахматных головоломок, разбора этюдов и ответов на вопросы читателей.

За выполнение каждого задания участнику олимпиады присуждалось определенное количество баллов. Финаленты всех раундов (кроме турнирного) были разбиты на пять смешанных туров. В каждом туре можно было добыть максимальное очко за три разные ответы — 20 баллов.

В классификационных турнирах юбилейной олимпиады выступили 26 740 участников шахматистов. 13 513 участников присуждают спортивные разряды — четвертый, третий и двое второй (в зависимости от количества выигранных партий) и высаны соответствующие удостоверения.

Тридцать лучших организаторов турниров олимпиады, которые волевили в соревновании большое число победителей, отмечены редакцией «Смены» премиями — фотоснимками гроссмейстеров с автографами, а также дипломами. Вот имена победителей шестого раздела олимпиады: Л. Гробрин (Керсон) — 1 место, прошедшего турнира «Смены» со 120 шахматистами, беспроигрышное первое место. В Дергачева (Северодвинск, Архангельская область), У. Гильямов (Шостка, Суевская область), Л. Гольдберг (Львов), Г. Карбасин (Рязань), Мордовская (АССР), Д. Чирнов (Волгоград), П. Пальмин (Томск), М. Писаревич (Одесса), О. Шаров (Смоленск), В. Мустарин (Троицк), В. Катковский (Баталы), Ростовская (Область), Р. Сидоров (Прагнинский район, Староуральский край), В. Тарасов (Муршинский район).

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1967 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

- Аннаберды АГАБАЕВУ — за поэму «Черное эхо» (№ 13).
- Олегу БЕЗУХОВУ — за рисованные обложки (№№ 20 и 21).
- Борису БОДРОВУ — за очерк «Шинели 41-го года» (№ 12).
- Михану БРИМАНУ — за публицистическую статью «Семь часов и еще вся жизнь» (№ 5).
- Геннадию ВАСИЛЬЕВУ — за очерки «Штат одинокой звезды» и «Ночь на Миссисипи» (№№ 6, 23).
- Наталье КОЛЕСНИКОВОЙ — за статью «Соперник зеленого зайца» (№ 5).
- Виктории ТОКАРЕВОЙ — за рассказ «О том, чего не было» (№ 12).
- Виктору ФЕДОТОВУ — за рассказ «Очень срочный груз» (№ 13).
- Владимиру ЧЕЙШВИЛИ — за фоточерк «Мы из племени исполноров» (№ 13).
- Ивану ШАГИНУ — за серию фотоснимков «1917—1967».

Аннаберды АГАБАЕВ

Олег БЕЗУХОВ

Борис БОДРОВ

Михаил БРИМАН

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

Наталья КОЛЕСНИКОВА

Виктория ТОКАРЕВА

Виктор ФЕДОТОВ

Владимир ЧЕЙШВИЛИ

Иван ШАГИН

ский район, Кировская область), Ю. Кример (Валарод), Н. Попов (Рева, Свердловская область), Г. Мордянов (Ленинград), Р. Соснина (Горькая, Донецкая область), Е. Гаурин (Рыбинский район, Курская область), Ю. Галулин (Измайловский район, Татарская АССР), А. Гончаров (Малархангельский район, Орловская область), Ц. Доржиев (Дульдургинский район, Читинская область), В. Нестеров (Вурнаровский район, Чувашская АССР), Г. Кулики (Промышленский, Самарская область), С. Шучинский (Рыбинский район, Красноярский край), И. Сомовоено (ст. Красная, Челябинская область), А. Голеровский (Иркутский, Московская область), М. Манев (Иркутский район, Иркутская область), Н. Ковалевский (Казань), А. Конопля (ст. Мирная, Читинская область).

Жюри рассмотрело все присланные на олимпиаду «Смены» читательские письма и в результате определило победителей. Пять призовых мест заняли преподаватели техникума из г. Николаевск-на-Амуре АЛЕКСАНДР ПУЕВНИК — 113 баллов из 120 возможных, со- трудники Министерства про-

мышленности Монгольской Народной Республики ДАШБАЛЫН БАТМАГТАЛ на г. Улан-Батора и воспитательница детского сада из г. Марганац, Днепропетровской области, ВЕРА МОРЩАВКА — по 112 баллов, научный работник из г. Подольск, Московской области, ВЛАДИМИР КОЛЕСНИКОВ и капитан-лейтенант ЕВГЕНИЙ СОЛОВЬЕВ из г. Севастополя — по 111 баллов.

Лауреаты юбилейной олимпиады награждены шахматными часами и дипломами.

Высокие результаты показали 22 участника олимпиады: Д. Ираксинов (Навиева, Бузавская область), А. Рекин (Североморск, Мурманская область) и Н. Смирнов (ст. Узловая, Московская область) набрали по 110 баллов; А. Алексеев (Свердловск), И. Варченко (Миргород), А. Григорий (Иван, Арвинская ССР), Ю. Заречный (Губа), Ф. Ниринов (Краснодар, Туркменская ССР) и М. Пигалева (Уральский) — по 108 баллов; И. Афонин (Орджоникидзе), В. Венедикт (Витёвск), Г. Гладышев (Нычанов, Тульская АССР), П. Дорошенко (Волжск, Марийская АССР), А. Заборонский

(Минийн Тагил), И. Маслинковский (Владивосток), Г. Рувиновский (Икра), Ю. Сметнер (Унгитро), К. Смирновский (Великие Луки), П. Степаненко (Люберцы, Московская область), Л. Кристовский (Рыбинск, Ярославская область), В. Чивичин (Краснодар), Б. Шурунов (Коровабад) — по 108 баллов. Эти товарищи привезут в шахматный турнир и дипломы «Смены».

Радация и жюри горячо поздравляют читателей, отличившихся в юбилейной олимпиаде «Смены», и благодарят всех, кто принял участие в нашем традиционном заочном шахматном соревновании.

Приводим ирратные ответы на задания пятого олимпиады.

«Плюсовать голову» — маг дается в шесть ходов 1. ♔d4 2. c4+! dc 3. d4 ed 4. ed +! fe 5. fe! of 6. Jd5+.

«Ваши комментарии» — предложенная для анализа партия была начата отрудонской защитой ферзевого гамбета, в середине игры черные взяли пешку ственного маневра 19...Фb7,

что вело к примерно равнозначному результату качества; в возникшей комбинационной схватке белые добились выигрышной позиции, но допустили фатальную ошибку (26. Сb7? вместо правильного 26. Фa7!), после чего картина борьбы резко изменилась, черные развили атаку и победили.

«Вот так задачка!» — 1. Фh3 Kr: d4 2. Ф:c3x: 1. Фh3 Kr:d7 2. Фh8+! Kr:h8 3. Ce5x.

«Спрашивай—ответим!» — 1. Ш. Винавер о М. И. Чигорине. 2. Ничья переигрывались в ряде междуна- родных турниров. В одном соревновании (Лондон, 1851 и 1862 года) ничья переигрывалась до победы одной из сторон. На турнире в Лондоне 1863 года первые две ничьи переигрывались, а если партия заканчивалась ничьей в третий раз, то партнеры получали по пол-очка. На двухруговом турнире в Нью-Йорке 1889 года ничья в первом круге фиксировалась сразу, а во втором круге переигрывалась.

На турнире в Париже 1900 года первая ничья соперники переигрывалась, а повторная вносилась в

таблицу. Любопытно правду следовали участии турниров в Миче-Карло 1901 и 1902 года. После ничьей противники ставили по четверть очка и оба партнера получали по четверти очка и оба партнера получали еще по четверти очка, и в общем результате у каждого отнималось по пол-очка.

«И, наконец, этюды» — белые выигрывают после 1. Кр:d3 Кр:d 2. c7 C4+ 3. Кр:f4 Kd5+ 4. Кр:e5 K:c7 5. Кр:f6 K:h5+ 6. Кр:e7 K:g7 7. Кр:g6 K:h5+ K:g7 x.

Сообщаем и решения задач, опубликованных в № 16 «Смены»: 1. Кd3 f5 2. Кr4f4 f4 3. Kрd4 f3 4. Крh3 f2 5. Крd2 f1b+ 6. Кр:f1 с мянбонном матом: 11. 1. Крf6 2. Лd8! Крd7 3. Сb8! Крd8 4. Сd6! Крd7. Черные находятся на поле «e2», и следуют 1. Крf4 с: IV 1. Лd8+! Крd7 2. Лd8+ Крd7 3. Лd8+! Ф:d6 4. Cg5+ Крe5 5. C:f4+ Крd6 6. e2+! f1: g1 7. Cg5x.

параллели

Подпеваю, неспринуждиво

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Серафима ТУЛИКОВА

В поселке нашем сосны vareжки надели,
Я эту сказку подарить тебе готов,
Но противники между нами параллели,
Как будто нити телеграфных проводов.
По географии я вновь сдам экзамен,
Бежит по снегу моя тонкая лыжня,
И север белый смотрит строгими

глазами,

Ресницы колкие нацелив на меня.

Прпие:

Параллели, параллели, параллели

Разлетаются по рекам и лесам...

Мы немножечко с тобою

повзрослели,

И свою дорогу каждый выбрал сам!

Пойми, я легкой не искал себе дороги,
К нам возит почту раз в неделю

вертолет.

И мы порою, словно пушковые строчки,

Читаем письма целый вечер напролет.

И, если спросишь, обязательно ответчу,

Что я судьбу свою за все благодарю,

Не зря оленя мне всегда спешат

навстречу

и на рогах выносят теплую зарю.

Прпие:

Параллели, параллели, параллели

Разлетаются по рекам и лесам...

Мы немножечко с тобою

повзрослели,

И свою дорогу каждый выбрал сам!

К Р О С С В О Р Д

Составил Я. БОБЧЕНКО,
г. Москва

По горизонтали:

По вертикали:

- Герой сатирического романа Ф. Рабле.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Тропичный цветок.
- Чешский писатель-сатирик.
- Комический персонаж французского народного театра.
- Гимнастический снаряд.
- Персонаж романа Сервантеса.
- Виртуозная музыкальная пьеса.
- Северная лодка.
- Грузинский народный танец.
- Украинский вурог.
- Часть зарплата охотничьего патрона.
- Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».
- Строительство Б. Манюковского.
- Действующее лицо повести И. В. Гоголя «Новикова».

- Белорусская пьесовая пьеса.
- Персонаж итальянской комедии.
- Перемещение для гимнастических номеров в цирке.
- Грузинский молодежный ансамбль песни.
- Андробитический прыжок.
- Приюсть.
- Басин И. А. Крылов.
- Эстрадный танец.
- Минцера.
- Комедия Д. И. Фонвинина.
- Небольшая коморетическая пьеса.
- Новолитрон, один из первых авторов русской комической оперы.
- Русская народная сказка.
- Краткое наречение.
- Кувинирное издание, жаргон.
- Провансальский странствующий певец, поэт.
- Норвежский писатель.
- Горный массив на севере Урала.
- Минеральная краска.
- Вертикальный спуск самолета на большой скорости.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

- Вредный.
- Вабутшин.
- Роттердам.
- Заваль.
- Анаит.
- Валин.
- Равла.
- Милвер.
- Консерватория.
- Шостак.
- Ижевск.
- Фляг.
- Шгейн.
- Слуга.
- Андромеда.
- Фрускина.
- Полетова.

По вертикали:

- «Грешная».
- «Искра».
- Лисков.
- Вардин.
- Хурма.
- Пименов.
- Ноллтон.
- Кингископи.
- Норвояр.
- Вест.
- Маори.
- «Октябрь».
- Сергеев.
- Федью.
- Глеоз.
- Няня.
- Салем.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

